

Михаил
Пиши пропало
Безродный

столетья не сотрут:
сочтут за труд

tout passe
tout lasse
tout casse
noch eine tasse bitte

а и б в к г б
в г д в м в д
е ж з в д п з
и т д и т п
вот тебе
и оттепель

что дрожишь зайчишка
это же зачистка
это же защита
отечества
от нечисти

умар алым
ыбар еным

жив-то жив
да еле дышит
тише ницше
нишкни

тише ребе
б-г на небе
берешит

Издательство «Чистый лист». Санкт-Петербург. 2003

ЧИСТЫЙ ЛИСТ TABULA RASA

Михаил Безродный

Пиши пропало

ISBN 5-901528-05-0 © М. В. Безродный, 2003 © Издательство «Чистый лист», 2003

Памяти Джесси

Автор многим обязан многим.

«С экрана летящий поезд Ладонью закрыт от глаз. Писатель же, успокоясь, Уводит опасную повесть В финальную кутерьму. Что поезд ненастоящий, Он знает не хуже нас, Но что пассажир обрывает, Доверившийся ему, Неведомо никому» (В. Брайнин).

По Шубарту, европейский характер взлелеян морем, славяно-азиатский — степью. И точно: у одних «Корсар», у других «Кобзарь» и «Косарь». Но если степь силится походить на море («Не море, а волнуется»; «Как море вольное широко, Раскинулась ты, степь моя»; «Все степь да степь. Безбрежная, как море»), то море погружено в себя, поглощено собой. Что ему степь? Навсегда оставленный ночлег. Умиление европейца степьдастепью подозрительно: не изменил ли он своей соленой колыбели? Де Кюстин, добравшись до Травемюнде и предвкушая зрелище степей, признается, что только ради них согласился преодолеть свое отращение к морским путешествиям.

Чехов, закончив «Степь», писал: «Я знаю, Гоголь на том свете на меня рассердится. В нашей литературе он степной царь». Пусть Гоголь царь, но первосвященник — Мицкевич: именно «Steru Akermaniskie», с повозкой-ладьей и островами бурьяна, обеспечили куреням запорожцев сходство с кораблями Илиады, а уместам, разыскиваемым три дня и три ночи, с островами Одиссеи.

Верблюд Пржевальского под адмиралтейской иглой словно иллюстрирует притчу о ширине входа в царство небесное. Не про-

творечит адмиралтейскому контексту и гипотеза о том, что κάμηλος (верблюд) возник вместо κάρμιλος (корабельный канат). Уместно вспомнить также, что арабы называли верблюда кораблем пустыни — не в силу ли сходства κάρραβος (корабль) с др.-инд. karabhas (верблюд)? «И шел, колыхаясь, как в море челнок, верблюд за верблюдом, взрывая песок».

у невы
львы
застыли
литые
их лица
величественности полны
и глазницы
пусты
и гривы
витые
словно гребень волны
и хребты
и хвосты
не земной а речной красоты

«Мудрено ли, что Англичане славятся глубокомыслием в Философии? они имеют время думать» (Карамзин).

«Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?» (Гоголь).

По Соловьеву, русские и немцы различают реальность (Realität) и действительность (Wirklichkeit), а у французов и англичан для обозначения этих понятий имеется лишь одно слово, отчего «французы не пошли в области философии дальше первых элементов умозрения», да и «англичане вследствие грубого реализма, присущего их уму и выразившегося в их языке, могли разрабатывать только поверхность философских задач, глубочайшие же вопросы умозрения для них как бы совсем не существуют» («Философские начала цельного знания»).

Попробовать, разве, тоже? Максимов в «Крылатых словах» уподобляет язык лесу, а Витгенштейн в «Философских штудиях» — городу. Случайно ли? А еще: немец нипочем не скажет «на душу населения», хоть убей. Только «на голову». Или взять оборот «полдела сделать»: по-немецки это значит не довести начатое до конца. Вот оно в чем дело. Слава науке. (— А билингвы? — А что билингвы? «Полных» билингв не бывает. Всем известно.)

Наташа (2,5 года), приятельница Давида, размахивая самолетиком, прежде чем его подкинуть:

ап!

ту!

си!

кай!

Американской маме слышится: «отпускай», русскому папе: «up to the sky».

«С именем Иван, без имени болван» (Даль), но именем-болванкой в застекленных «образцах заполнения формуляра» служит все тот же Иван-Иванов. В своих штанах и башмаках, не знающих сносу, как у манекена в витрине. «В сиянье брюки Иванова Летят и — вечность впереди» (Г. Иванов).

А у немцев? Не Мюллер, а Мустерманн. То есть, собственно, Образцов. Или нет: Образцов — фамилия статистически значимая, тогда как Мустерманн — совсем редкая. Имя как таковое. Номен номена.

Старый Свет осваивали посуху, Новый — спускаясь по рекам, что и определило разницу в дизайне вагонов: моделью европейского послужил дилижанс, американского — пароход. Идущий по прериям поезд еще долго будут сравнивать с кораблем. Янки привык разгуливать по «палубе» пульмана, европеец заточил себя в купе. Резкое повышение скорости передвижения, отбив охоту любоваться ландшафтом, превратило книгу в его «воображаемый эрзац» (*W. Schivelbusch. Geschichte der Eisenbahnreise. München, 1977, S. 62*). И в сигнал «*noli me tangere*».

Рассказ библиотекариши: читатель потребовал «Куб» Драйзера. Имея в виду «Титана». Последствия привычки к чтению под подстаканников стаккато, их постукиванье на скатах, подскакиванье на стыках.

По-русски козел отпущения, по-немецки козел грехов. Наука бессильна.

Бердяев:

Раскол был уходом из истории, потому что историей овладел князь этого мира, Антихрист, проникший на вершины церкви и государства. Православное царство уходит под землю. Истинное царство есть Град Китеж, находящийся под озером. Истинное царство нужно искать в пространстве под землей.

Истинная правда. Вот и главную библиотеку державы переименовали только как наземный объект, а внизу, в метро, она по-прежнему «Библиотека им. Ленина». Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Китежская».

В корчме на литовской границе Отрепьев, зачитывая указ о прикорме, переинтерпретирует описание собственных примет, но от неграмотных приставов спасается лишь бегством. Немец-генерал, читая письмо гриневского отца, не сразу понимает просьбу держать подателя «в ежовых рукавицах», и Гринев поясняет: «давать побольше воли», однако подлинный смысл идиомы скоро установлен, и хитреца отправляют служить в глухую пограничную крепость. Чтобы повлиять на судьбу героя, мало перетолковать текст царева указа (отцова наказа), его нужно подменить: «И в суму его пустую Суют грамоту другую».

Распоясовцы Успенского, недовольные бумагой, привезенной исправником («Фальшивая, детушки, бумага! Не она! не наша! Ступай ты, барин, с ней откуда пришел!»), убеждены, что аутентичный текст утаен. Именно утаен, а не уничтожен, ибо письмо не от мира сего. «Рукописи не горят, не тонут и не возвращаются» (редакция газеты «Бесэдер?»).

Рассказ библиотекарши о том, как у нее требовали текст «настоящего закона»: — Но я же выдала. — Это не тот. — Как не тот? Он ведь так и называется. — Называется-то так же, да не тот. Потрудитесь выдать настоящий! — А с чего вы взяли, что имеется еще и настоящий? — Как же! Вот тут, например, сказано: «см. п. 3 настоящего закона». Так что выдайте, девушка, настоящий закон и не морочьте мне голову!

Некто, мечтая о наставнике с энциклопедическими познаниями, изучает указатели литературы разной тематики, после чего отправляется в Германию разыскивать д-ра Дерзельбе (*С. Кржижановский. Собр. соч. СПб, 2001, т. 2, с. 272—280*).

Брафман, составитель «Книги Кагала», ходатайствовал «о присылке ему книги под заглавием „Ibidem“, которую цитируют всевозможные авторы по всевозможным наукам» (*М. Вайнтроб. Причины происхождения антисемитизма. Рига, 1927, с. 95*).

В 1995-м, на конференции в Хельсинки, Х. Йепсен завершил доклад об оккультных мотивах в творчестве Гумилева словами: «Гумилев был энциклопедически начитан в оккультных проблемах», — и российские коллеги тут же разбились на два лагеря. Йепсен тщетно пытался вмешаться в спор славян между собой, а на другой день спросил за обедом: — Почему вчера так волновались? Я не понял. — Вы объявили начитанность Гумилева энциклопедической, а он, по мнению некоторых исследователей, был человек умеренно образованный. — Но я ведь так и сказал: Гумилев был знаком с оккультной проблематикой лишь по энциклопедии.

«См. предыдущее примечание», — гласит в «Тайной доктрине» Блаватской примеч. 666.

— Не верьте! — заклинал профессор Хватов студентов и преподавателей пединститута им. Герцена, согнанных внимать «Слову о Шолохове». — Наши идеологические противники скажут вам, что не Шолохов написал «Тихий Дон»! Не верьте!

Взгляд-бросок в конспект, и дальше: — Наши идеологические противники скажут вам, что и «Поднятую целину» написал не Шолохов! — и та же каденция: — Не верьте!

Наконец, повинаясь законам жанра, Хватов принялся заряжать пушку в третий раз: — Наши идеологические противники скажут вам, что и «Судьбу человека»...

И тут в конференц-зале возмущенно зашипели: — Что, и это не он?

Предрождественская газетная реклама русского бюро путешествий «Анна Каренина» (Берлин): «Соотечественники! Пора думать о Боге! Посетите Родину Христа — Израиль — по низким ценам!»

«Гряди, жених!» в стихотворении Цветаевой о Керенском — из притчи о девах разумных и неразумных: «Полунощи же вопль бысть: се, жених грядет, исходите во сретение его».

Комментаторы понимают это место иначе:

Гряди, жених! — в те дни в столице появились [sic] «разговоры о якобы намерении Керенского бросить семью и сочетаться браком с

актрисой Тиме»... Тиме Елизавета Ивановна (1884—1968) — актриса Александринского театра.

Тут что прелестно? Допущение, что Цветаева, сочиняя панегирик, заодно уж и сплетни разносила.

Черт у Цветаевой — гладкошерстый, как дог, «собачий бог». Английский палиндром, догадываются цветаеведы. Не догадываются, что незатейливый. И что: «отыщешь хвост, длинный, гладкий, как у датской собаки». Das also war des Pudels Kern.

ЗАВЕЩАНИЕ ЩЕНА

Муз. В. Брайнина

мама и лиля
моя фамилия

лиля
лимфа моя
лю
мя

Все это делает книгу незаменимым справочником по вопросам престолонаследия. События романа разворачиваются в императорском Риме эпохи зарождения раннего христианства. В сбор-

нике представлены и те произведения Лермонтова, что включены в школьную программу, и те, что по праву считаются жемчужинами мировой лирики. У каждого народа есть свои лучшие люди. В России их называют Святыми.

Кто-кто в тереме живет? Мышкин да Плюшкин, Сошкин да Ложкин, Ножкин да Рожкин, Стежкин-Дорожкин, Душкин-Подружкин, Ушкин-Макушкин, Кружкин-Старушкин и Айдапушкин!

«Священное для каждого русского имя»? В конце девятнадцатого века грамотное простонародье, по свидетельству библиотечкарей, величало пушкиным всякого сочинителя. В двадцатом его сделали заместителем дяди самых честных правил, обреченного за всех отдуваться: а платить пушкин, что ли, будет? — выражение, обязанное своим происхождением аналогичному одесскому (о Дюке), а популярностью — киноленте «Веселые ребята».

Таков «наш пушкин», имя же «моего», действительно, стараются всуе не поминать: лирика, начиная с Жуковского, отдает предпочтение местоимению «он» («Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе...»), а драматургия, начиная с Бояновского, делает «его» внесценическим персонажем — действительность какового приема, и без того немалую (ср. ситуации ожидания: приговора Марьи Алексевны, прибытия Годо), усиливает цензурный запрет изображать на сцене святых.

Гениальность АСП, учил Бердяев, есть «религиозный путь, равноценный и равнодостоинный пути святости». Булгаков на заседании парижского Богословского института, посвященном юби-

лею АСП, рассуждал о «предстоянии перед Богом в служении поэта», а Карташев, там же, оперировал понятиями «светское евангелие» и «светская канонизация». Все это, не забыть бы, зовется философией, причем религиозной.

Новое понимание святости — как наследственного задатка — запечатлено в генеалогическом труде «Тысячелетнее древо Пушкина» (1998): на его сучьях расселось сорок православных святых.

Церковь, однако, остается неколебимой, как ей, каменной, и положено: проект нижегородского губернатора — причесть АСП «по случаю двухсотлетия» к лику святых — был с порога отклонен комиссией патриархии по канонизации, а намерение ликеро-водочного предприятия «Псковалко» дать своим новым продуктам названия «Александр Невский», «Довмонт» и «Пушкин» вызвало неудовольствие у псковского духовенства как кощунственное по отношению к святым Александру Невскому и Довмонту, так что в продажу поступили только бутылки в форме бюста поэта, завинченные пробками в форме его цилиндра.

«Душа моя играет, душа моя поет, А мне товарищ Пушкин руки не подает», — горевал поэт Прокофьев (по свидетельству Архангельского). «Дай нам руку в непогоду», — зывали с белой площади Сената. «Дайте руку, вот грудная клетка», — доносились с капитанского мостика парохода современности. С памятником-то кому не лестно поручкаться.

Тяжело пожатье.

Чтобы приблизиться к смыслу строк:

Пока в Дарьял, как к другу, вхож,
Как в ад, в цейхгауз и в арсенал,
Я жизнь, как Лермонтова дрожь,
Как губы в вермут, окунал

— полезно для начала убрать сравнительные обороты. Что получилось? «Пока я, вхож<ий> в Дарьял, окунал жизнь». (Вразумительней, увы, не стало. Не задерживаясь дальше.) Теперь можно установить, к чему относится каждое из четырех «как»:

Как к кому я вхож в Дарьял? Как к другу.

Как куда я вхож в Дарьял? Как в ад, в цейхгауз и в арсенал.

Как что была окунаемая мною жизнь? Как Лермонтова дрожь.

Как что во что окунал я жизнь? Как губы в вермут.

Замысловато, но грамматически безупречно. (Это еще как посмотреть.) Кто не понял выражения «окунал жизнь, как губы»? Вероятно, гибрид оборота «окупнуться в жизнь» и поэтизма «осушить чашу жизни». (Причем гибрид малоудачный.) Не исключено, что эта формула припомнилась автору в лермонтовской редакции: «Мы пьем из чаши бытия С закрытыми очами, Златые омочив края Своими же слезами». (Изрядные, между прочим, стихи. Одна звукопись чего стоит.) Ведь вся образная фактура четверостишия лермонтовская, начиная с Дарьяла. Зачем вермут? Откупорен созвучия ради. Как острил Довлатов, «Михаил Юрьевич Вермутов». (Юмор школярский, но под занавес сойдет. А примеры высокого косноязычья впредь медленному чтению не подвергать.)

Апология пьянства как протеста — аристократов духа против мерзостей бытия: «Москва—Петушки» etc. Протест, что и говорить, дерзкий и гагарам недоступный.

«Он дирижировал кавказскими горами И машучи ступал на тесных Альп тропы». Отчего, собственно, машучи? Чтобы удержать равновесие? Или оттого что дирижируя? Или оттого что Машук?

«Мнишь» у АСП трижды, причем дважды — в сцене у фонтана.

Беседа Пороха с Раскольниковым: — Записки Ливингстона изволили читать? — Нет. — А я читал. Нынче, впрочем, очень много нигилистов распространилось...

Почему это с Ливингстона Порох перескакивает на нигилистов? Пушдоморощенные комментаторы прячут взгляд и уныло бубнят: «Редактором русского перевода „Записок“ Ливингстона был Н. Н. Страхов». Ну и?

Вероятно, Порох попросту ассоциирует ЛИВИНГСТОНА и НИГИЛИСТОВ. Поди докажи.

Впрочем, тогда хоть силились понять, в чем дело. Ныне принято пожимать плечами: «неустановленное лицо», «источник не обнаружен». Не все ли равно.

К проблеме распространения нигилизма. Листая «National Geographic» у стоматолога.

В первой главе описан «орнамент из старинных оружий» на стенах дома Аблеуховых — и вносится узелок с бомбой. Стрелять из пистолы, вопреки Чехову, так и не станут, зато тиканье заведенного в пятой главе часового механизма продержит читателя в напряжении до конца восьмой. Освоено кинематографом спустя полвека.

Шкура леопарда в комнате Аблеухова-сына и его бульдог тигрового окраса — намеки на атрибуты и свиту Диониса (*R. Mann. Andrei Bely's «Petersburg» and the Cult of Dionysus. Lawrens, 1986, p. 9, 12*). Ср. «дионисических тигров» в «Первом свидании». А можно и иначе. Гулять с бульдогом самому Белому доводилось? Да, в 1905-м, с одноименным револьвером. И в 1911-м, в Африке. Плюс Вронский: выстрелив в себя, роняет револьвер и, опустившись на пол, видит «выгнутые ножки стола» и тигровую шкуру. Комбинация этих образов — револьвер, выгнутые ножки, тигровая шкура — и дает бульдога искомого окраса.

Сон к двадцатилетию собственного альтруизма: Затрубил телефон — позвонил элѐфант: — Сочинил фельетон толщиной в фолиант. Не отредактируешь?

При чтении корректуры немецко-русского словаря (служба эпохи дойче фар ниенте) выловлено: «конькобеженец» и «шила в мешке не утащишь». Исправлять, разумеется, не стоило.

«Премьер-министр предупредил, что наложит вето на проекты новых еврейских построек в мусульманских кварталах Иеруса-

лима недалеко от Оливковой горы» (*Рус. мысль*, 18—24.09.1997).
Указала С. Гиршович.

Просто мор какой-то: сперва смерть героя, потом автора, а теперь еще и редактора. Оливковая гора это, надо понимать, гора оливок. А «Русская мысль»? Оксюморон вроде еврейского счастья?

Сперва аргументы, потом факты.

Обрезание ли, обрусение, нет спасения от облысения. (Правильно «обрезанье», но кто помнит.)

IM STAU

es war kurz nachdem
die arbeitslosenquote das niveau von 1931 erreichte
und bayern-münchen
zum neunten mal tabellenerster wurde:

stehend im stau
unten rechts auf seite 54 des neuen grossen shell atlas'
sagte sie ihm leise, sie sei schwanger

Первое умозаключение Давида (2 года): «Все едет».

С попутчиком лет семнадцати (поинтересовался, не греческая ли газета): — А историк литературы чем занимается? — Изуча-

ет творчество писателей. — Каких? — Каких угодно. Ты каких знаешь? — Я-то? Никаких. — Ну подумай. — Кант?

С полицейским (оказывается, и велосипедистам нельзя на красный): — Доктор чего? — Философии. — Философии? А, знаю! Это стихи и все такое?

Вона. Выходит, даже для немцев, во всяком случае «из простых», философия — род изящной словесности. Впрочем, еще у Гейне полковой барабанщик гордился превосходством своего жизненного опыта над философией Гегеля (ср.: «Мы диалектику учили не по Гегелю»). Взгляд, конечно, очень бюргерский, но верный.

Того скептически «непростые». Йандль, комбинируя «viel», «o», «so», «vieh»:

viel
vieh
o
so
viel
vieh
so
o
so
vieh
...

— уподобляет phil-o-so-phië скотному двору. Русский аналог — у Некрасова-неклассика:

ау
наука
...

а
ну ну
ну ка
ну ка ну ка

Субъект? Уехал на объект. Объект? Закрылся на обед.

Мыслители Бэкон и Сковорода.

В Мюнхене неподалеку от главного вокзала открыли ресторан «Князь Мышкин». Вегетарианский. Но посетители, похоже, не понимают, в чем тут соль. Другое дело, если бы какой-нибудь стейк-хаус назвали «У Раскольникова».

А в Бохуме есть ресторан «Обломов». Неуютный и в справочнике обозначен как «Obmolwow».

Из статьи Гуськова (редакционный портфель журнала «Русская литература») следует, что на французском «Обломов» долгое время был представлен только первой частью, к тому же без финальной сцены — прибытия Штольца, и в этой редакции сюжет был известен, например, Роллану (записавшему в дневнике: «Обломов — и читатель вместе с ним — нетерпеливо ждет, начиная с первых же страниц, своего друга сердца, и этот друг так и не появляется. Очень правдиво») и Беккету. Сообщила И. Данилова.

«Мир ловил меня да не поймал». Колобок? Скворода. Эпифания.

В «Даре» упомянута Клара Стобой, alias Егда Стобой, причем ясно, что последнее словосочетание есть усеченное «всегда с тобой». Каковая ясность, однако, чрезмерна, а значит, обманчива (Лже-Клара?): читателю положено сделать еще одно усилие и разглядеть в недостающих литерах — ВС — авторскую монограмму. Пушкин всем нам оставил тайну, а Набоков составил кроссворд.

«Я бы и русского знать не хотел. Скаредный язык!» (Сумароков, «Чудовищи»). «Буквы, составляющие славенскую азбуку, не представляют никакого смысла. Мне гораздо более нравится трагедия, составленная из азбуки французской» (АСП). И то: латиница богаче кириллицы ресурсами простейшей живописности, взять хоть четверку акробатов p-b-q-d.

s u p e r
u b e
p b p b
e p u
r e b u s

Давид (3 года): «Это такой буквагиум?»

И что бы «сыновьям Большой Мефодицы» (А. Смолянский) не оставить родную топонимику в покое, а переименовать, коли неуместно, Венецию. В Южную. Или так: Венеция-Юг. Все равно

ведь еще на петроградской стадии исчез ер, а реанимировали его одни москвичи («Коммерь-Санктъ») да русскоязычные жители Тюрингии, основатели литобъединения «Словесность». Да-да, с твердым знаком качества.

Nestor noster! Своим попечением и латиницу не оставили: серию «Русский Путь» открывает издание «Бердяев: pro et kontra».

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОГО, ИЛИ БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

Посвящается Л. Гиршовичу

1

На излете лета Гришка Левинсон притащил откуда-то пачку оповещений об открытии учебного сезона: оранжевый кленовый лист, и на его фоне образцовым почерком: «1-е сентября!» Такие листовки из году в год расклеивали по всему городу, что, разумеется, напрашивалось на пародию: было решено в ночь с 31-го на 1-е нанести визит статуям Летнего сада и прикрыть их причинные места этой первосентябрьской листвой. Трудно сказать, что тогда помешало — хотелось спать или не достали клею, зато помнится другое — как вскоре пресса и радио объявили об «акте беспримерного вандализма»: группа неизвестных, проникнув ночью в сад, свергла с пьедесталов и покалечила едва не дюжину изваяний. Общественность бичевала семью и школу, милиция прилагала все усилия («в том числе путем проведения следственного эксперимента»), а Гришку с компанией и днем преследовали кошмары севильского озорника.

В Ленинграде тогда жили у Московского вокзала. По прилете в Москву после двухмесячных якутских заработков («сезонный землекоп») хотелось немедленно отправиться домой и отоспаться, но школьные каникулы кончались, и единственный еще доступный поезд шел в Ленинград через Псков — ходом коня и не самым резвым аллюром. Кто-то посоветовал взять билет на скорый «Москва—Хельсинки», делавший короткую остановку в Ручьях, а дальше было просто: электричка до Финляндского вокзала, метро до Московского, постель. И, перед тем как провалиться в сон: — Чуть не забыл. Сейчас Лильку в метро встретил, приветы тебе передавала. — В метро? — усмехнулась жена. — А я думала, ты из Москвы приехал.

Поспешите, пока не поздно,
взять билеты на поезд звездный:
он на Млечном стоит Пути
и готовится отойти.

Как всегда по субботам и средам,
поезд следует до Андромеды
с остановками: Гончие Псы,
Орион, Водолей и Весы.

Не высовывайтесь из вагона
у созвездия Скорпиона,
не хватайте комету за хвост
и лучи не ломайте у звезд.

Тот, кто будет будить Медведиц,
больше по небу не поедет —

нарушителей тишины
мы высаживаем у Луны.

Просим срочно закончить посадку:
поскорее улечься в кровать,
натянуть одеяло и за-
крыть глаза.

«Зоологический сад планет». Jardin des planètes возник, должно быть, благодаря парижскому Jardin des plantes. Почему парижскому? В его состав входил зоосад.

Одно из последних стихотворений Ходасевича:

Нет, не шотландской королевой
Ты умирала для меня:
Иного, памятного дня,
Иного, близкого напева
Ты в сердце оживила след.
Он промелькнул, его уж нет.
Но за минутное господство
Над озаренною душой,
За умиление, за сходство —
Будь счастлива! Господь с тобой

— развивает тему «Я встретил вас...», а из мемуаров Берберовой известно, что сюжет был подсказан ее сходством с Кэтрин Хэлберн, игравшей в «Mary of Scotland».

«Двадцать сонетов к Марии Стюарт»: оказавшись в Люксембургском саду, поэт-эмигрант останавливается перед статуей шот-

ландской королевы — и все былое оживает: в послевоенном ленинградском кинотеатре крутили трофейную «Дорогу на эшафот» с Сарой Леандр, и на нее была похожа возлюбленная.

Заменяя чужую, петроградскую и парижскую, историю любви и разлуки собственной и показывая ее из двух перспектив, ленинградской и парижской, автор «Двадцати сонетов» вступает в состязание с коллегой. Вряд ли догадываясь, что «Нет, не шотландской королевой...» тоже сонет, но редкого вида — «безголовый».

С высоты ледника я озираю полмира

Он объездил много стран,

И не раз он бороздил океан

Трижды тонул, дважды бывал распорот

Раз пятнадцать он тонул,

Погибал среди акул

Позволяя своим связкам все звуки, помимо воя

Но ни разу даже глазом не моргнул

Если слово табу, значит дело табак.

В актив АСП записали «милость к падшим», Ницше — «падающего толкни». Накануне юбилеев пушкинист подосадовал: «Ницше знают, Пушкина — нет. Я боюсь, что для Европы он не то что в первую десятку, и в двадцатку не войдет» (*Ex Libris НГ*, 30. 07. 1998), однако в шеренге знаменитостей, выстроенных по росту в зависимости от численности посвященных им и зареги-

стрированных Библиотекой конгресса сочинений, АСП занял девятнадцатое место, а Ницше двадцатое, отстав на одну книгу (*Washington Post*, 12. 09. 1999). Впрочем, болельщикам АСП стоит призадуматься, какой алфавит преобладает в пушкиниане. А болельщикам Ницше, было возликовавшим, вспомнить, что более всего способствовало его популярности.

Замечательно, что еще при первом знакомстве с Ницше русская мысль усмотрела в нем конкурента АСП и приняла меры. Разбирая терцины об изваяниях двух «бесов», один из которых Аполлон, а другой назван «женообразным», «лживым» и «прекрасным», Мережковский выразил уверенность в том, что речь идет о префигурации персонажей «Рождения трагедии», и провозгласил АСП «русским певцом Аполлона и Диониса».

Вяч. Иванов счел нужным исправить сей «прискорбный промах» и написал, что «женообразный», невзирая на грамматический род, это Венера, а о парности Аполлона и Диониса «до Ницше никто не знал, кроме дельфийских древних жрецов» (*Труды и дни*, 1912, № 4/5, с. 40). Утверждение поразительное между прочим потому, что заставляет заподозрить Иванова в незнакомстве с Винкельмановой «Историей», где Аполлон и Дионис сопоставлены как идеалы мужской красоты в греческом искусстве и подчеркнута женообразность Диониса. К слову сказать, АСП ссылается на авторитет Винкельмана примерно тогда же, когда слагает стихи о двух «бесах».

В год великого юбилея Якобсон отчитал Мережковского и, не упоминая Иванова, подтвердил его диагноз: Венера (*Slovo a slovesnost*, 1937, № 3, с. 11). С Дионисом было покончено, но не навсегда. Очередной великий юбилей подвиг российскую науку

заявить: «Пушкин здесь в двуединой паре прямо, можно сказать, увидел будущую проблему европейской мысли задолго до Ницше» (*Новый мир*, 1999, № 6, с. 185).

«Україна покликана небом Хід Європі новий показати» (Силенко).

Слово «сборная» в спортивном разделе «Süddeutsche Zeitung» транслитерируется как «sobornja». Сообщила М. Бобрик. Славист трудоустроился. Отрадно.

Единственное популярное в Штатах сочетание из трех цветов не всегда складывается в звездочки-полоски, но всегда обозначает их и только их. Повсюду реют близнецы никому неведомого нидерландского триколора — с «ореп» или «sale» по белому полю. А светофор сохраняет свои цвета, кажется, лишь благодаря очередности в их использовании.

Иммигрантам английский преподают как второй (ESL), а не как иностранный. Третьим и т. д. он быть не может, ибо кто, кроме безумца, станет длить собственные мученья.

К центру города поднимаются (акрополь, вышгород) или «спускаются» (даунтаун).

Получив в подарок нож фирмы Барлоу, Том возликовал: клинок, хоть и тупой, был всамделишный! «Откуда мальчишки Запада взяли, что у кого-нибудь будет охота подделывать такие дрянные ножи и что от подделки они станут еще хуже, — это вели-

кая тайна», — посмеивается автор. И совершенно напрасно: всяк подлинник гоним, где властвует подлог.

У О. Генри миллионер, инкогнито ухаживающий за нью-йоркской продавщицей, предлагает ей руку, сердце и кругосветное путешествие, однако перечень мест, предназначенных к осмотру, — венецианские каналы, японские карликовые сады etc. — внушает барышне подозрение, что ее приглашают на Кони-Айленд, и поклонник получает отставку. Продавщица нимало не заблуждается относительно достоинств Dreamland'a, но ей и в голову не приходит, что у этих копий где-то имеются оригиналы.

На первом же занятии мюнхенского семинара по «Живаго» выяснилось, что студенты собрались обсуждать текст, не читая его вовсе, и пристыдить их сравнением с советскими критиками романа не удалось. Проведенный через месяц опрос показал, что даже те, кто осилил перевод, убеждены, будто в «Живаго» то и дело терзают расписную балалайку. «Тема Лары», композитор Морис Жарр.

На Руси коли Рим, так Третий, коли Венеция, так Северная (и суждено ему гореть, ей тонуть). Североамериканские Римы и Венеции в спецификациях не нуждаются: эти репродукции привыкли к автономному бытию. «Был бал, и Принцесса танцевала с Тенью».

Вяземский, недовольный отечественным трактом, уверяет, что «только польским да еврейским Почтовым ларам бил челом», и погружается в воспоминания о неотразимости полячек. И то сказать: нет на свете царицы краше польской девицы, устоять

перед ее чарами было дано лишь коммунару Корчагину (отверг Нелли Лещинскую) и авантюристу Бендеру (предпочел Зосе Синицкой журавля в небе).

«Вьюга. Вечная женственность. Может быть, спальный вагон. И мужского дендизма железнодорожные сети» (Кушнер).

Письма ЛНТ:

1857: «Железная дорога к путешествию то, что бордель к любви — так же удобно, но так же нечеловечески машинально и убийственно однообразно».

1870: «Горе то, что к вам нельзя приехать иначе, как по бессонной, папиросно-накуренной, жарко поддувающей вагонной, подло-пошлой разговорной ночи».

В якутском ресторане приглашенная танцевать барышня представилась Леною (ясное дело, наяда: оли и наташи в этом бассейне почти не водились) и бойцом скота. Кроме шуток: работница хладобойни. Вечная женственность, вечная мерзлота, снежная королева. Углублять знакомство расхотелось. А будь она с птицефермы? И зовись Ледою?

Неизвестное о козах. «Марьяна, как дикая коза, поджав ноги, сидела на печи или в темном углу» («Казачки»). «Наташа прыгала, как коза, все на одном месте и пронзительно визжала» («В. и м.»).

В полонезе Пастернака листья «Шуршат со смертельной фальшью. В падении — шепот пшена, А дальше — пруды, а дальше — Змеюю гниет тишина». Тут, словно в путеводителе, есть все: и «prze», и Шопен, и «zginęła», и змея.

Известно: мусье квакает, пан шипит. В «Годунове» офицера-наемника с его «Quoi? quoi?» дразнят «лягушкой заморской», а гордая полячка получает аттестацию, богатую переднеязычными щелевыми: «Скользит из рук, шипит, грозит и жалит. Змея! змея!» Если верить старухе Изергиль, «Бог дал полякам такой змеиный язык за то, что они лживы». Если верить Вежбицкой, характер народа формуется языком. Как бы то ни было, не журчит, а шипит посполитая речь.

Змея! змея! «Марина Мнишек была прельстительна. Бела лицом, а брови имея тонки. Глаза змеиные» (Волошин). О другой воеводиной дочке — обольстившей Андрия — сказано: «сжав белоснежными зубами свою прекрасную нижнюю губу, как бы внезапно почувствовав какое укушение ядовитого гада». Брр. Мороз-воевода по коже. Pan Mróz.

И вообще: польское — ползкое. Ползучего гада прежде называли ползким (а у Радищева и «ползкий яд» встречается). В варшавских кошмарах Блока: «Вот кто-то лстыиво подползает... Вот — подольстилась, подползла... Зачем змеятся молодые И нежные твои уста?»

«Сгинь, Запад — Змея и Блудница!» (Клюев). Nie zginęła.

Так и не открылся Российский Крысолов врагам: в статье о Смутном времени, помещенной в словаре «Mentalność rosyjska»

(1995), его называют Dumitr Susanin. Еще один Лжедмитрий, но не беда. Ведь что такое, в сущности, история? Конъюнктурный пересказ текстов, произвольно отобранных из числа случайно оказавшихся доступными и содержащих информацию, условно признанную понятной, достоверной и достаточной. Жили у бабуси два веселых гуся, а у Марины Мнишек было трое Гришек.

Опечатка советолога: «Leviathan's voice on the radio».

Давид (3 года): «думный». Не в смысле «дьяк», а в смысле «неумный» (dumm).

Дерзельбе (4 года): «А как это из головы [обратно] выдумать?»

«Le Cœur et l'Oreiller» — так намеревались перевести заглавие романа Вельтмана. Обломов попутал, не иначе. Облый, облакоподобный. Сообщила (и предотвратила) С. Геллерман.

Детские заблуждения дорогого стоят. Снесла курочка яичко, да не простое, а золотое. Что ли от золотого петушка?

Маша и Медведенко («Чайка»)

Три девицы под окном пряли... — парки?

В отрочестве мнилось, что «имярек» — гидроним, и ужасно нравилось, что об этом никто не догадывается.

Загадка: жили-были три сестрицы, муж старшей волочился за младшей и застрелил ее мужа.

(цзе : џж)

Пастернак : Набоков

И тополь — король. Королева — бессонница. Я не писал законного сонета,
И ферзь — соловей. Я тянусь к соловью. хоть в тополях не спали соловьи,
И ночь побеждает, фигуры сторонятся, но, трогая то пешки, то ладьи,
Я белое утро в лицо узнаю. придумывал задачу до рассвета.

Маяковский : Хлебников

Там под деревом видели с Каином Где Ункулункулу и Тор
играющего в шашки Христа Играют мирно в шашки

Сборник поздравлений на все случаи жизни: в стихах и прозе, серьезных и шуточных, но всегда доброжелательных. В приложении приводятся мнения врачей, священников, скептиков. Кажалось бы, заурядная великосветская вечеринка... Но кому-то было выгодно внести в ее течение леденящую душу ноту.

«12 стульев»: самозванный инспектор обедает в богоугодном заведении, управляемом казнокрадом.

В г-на Загоскина сочинении помещик расспрашивает лекаря, как ведется подготовка к посещению больницы высоким гостем:

— Все ли расставлено в порядок и прибрано в аптеке?
— Точно так же, как и всегда, Николай Степанович!
— Как и всегда! Ну, так и есть — я знал! Эх, братец! Ведь я тебе толком говорил: сегодня будет губернатор, так надобно... ну, знаешь, любезный!.. товар лицом показать.
— Я вам докладываю, что все в порядке.
— А в больнице?
— Окна и полы вымыты, белье чистое...
— А прибиты ли дощечки с надписями ко всем отделениям?
— Хоть это бы и не нужно: у нас больница всего на десять кроватей; но так как вам угодно, то я прибил местах в трех надписи.
— На латинском языке?
— На латинском и русском.
— Хорошо, братец, хорошо! А сколько у нас больных?
— Теперь ни одного.
— Как ни одного?
— Да, сударь! Третьего дня я выписал последнего больного — Илюшку-кучера.
— Зачем?
— Он выздоровел.
— Да кто тебе сказал, что он выздоровел? с чего ты взял? Возможно ли — ни одного больного! Ну вот, господа, заводи больницы!.. ни одного больного! Что ж, я буду комнаты одни показывать? Эх! правду говорит сестра: вот вам и русский доктор — ни одного больного. Во что б ни стало заведу немца... да, сударь, немца! У него будут больные!

В больницу тотчас вселяют мнимых больных, но из-за спешки толстяка пономаря укладывают в чахоточное отделение, а щедушного сапожника в отделение для больных водянкой.

Гоголь лишил этот сюжет назидательности и вывернул его наизнанку, сделав лекаря немцем, больницу переполненной, а ковчигирательство удавшимся. О загоскинской больнице в связи с «Ревизором» вспомнил, кажется, один Лажечников (выговаривал Белинскому: «Если называете его [Гоголя] комическим гением за то, что от души смеетесь фарсу его, почему не назвать Загоскина таким гением за уморительные сцены его, например в больнице русского помещика, где чахоточный с больным в водянке перемешан?»). Известно, правда, что Загоскин обиделся на эпиграф к «Ревизору».

miRЯor

Когда они принимаются пинать мячик и никаких сил нету дотянуться до пульта и переключить, в первом тайме приходится болеть за одну команду, во втором за другую.

хымас яд яд йом (фалашск.)

По мотивам Рингельнатца:

War einmal ein Bumerang;
War ein Weniges zu lang.
Bumerang flog ein Stück,
Aber kam nicht mehr zurück.
Publikum — noch stundenlang —
Wartete auf Bumerang.

Был Бумеранг Великоват
и, взмыв однажды ввысь,
так и не прилетел назад...

Так и не дождались.

«Зал встретил аплодисментами Пастернака, старавшегося незаметно проскользнуть на свое место в президиуме» (*Е. Пастернак. Борис Пастернак: Материалы к биографии. М., 1989, с. 583*).

Быть знаменитым не красиво ль?

— И не боязно тебе в ломаных-то скобках проживать нрзб? — Нет, я не из робких.

Рой бездны!

<фрагмент в работе>

Хорошо б уехать на вокзал, лечь на дно, залезть на сеновал, спрятаться в мышиную нору и сидеть себе нрзб, чтоб ни кгб, ни цру, ни моссад не запеленговал. А то опять зовут управлять департаментом. *Of Slavic Languages & Literatures.*

Для полицейского романа. Без вины виноватый герой тайком селится в публичной библиотеке. Куда не запускают на ночь собак. Где никого не удивишь небритостью. Откуда легко следить за развитием событий (свежие газеты, www). И рецензенты довольны: книгохранилище как убежище — тема благодатная.

Загадка: где в августе 1871-го судьба свела лучшего русского лирика с лучшим русским романистом? (энолея в)

В 1903-м лейпцигский теософский журнал «Der Vâhan» предостерегал своих подписчиков от русского проходимца, который выдает себя за д-ра Блаватского, племянника Елены Петровны, и рассказывает, что у него украли деньги на поездку в Лондон. Сообщила Р. фон Майдель.

Wer niemals lügt,
dem glaubt man,
auch wenn er nicht
die Wahrheit spricht.

У О. Генри в «Babes in the Jungle» (первые переводы на русский — при нэпе) жулик Силвер рекомендует коллеге Биллу перебраться с Запада в Нью-Йорк, когда дурачить взрослых станет не под силу. Билл следует этому совету, обнаружив, что плохо удерживает в памяти имена русских адмиралов. Встреченный вскоре Силвер сообщает, что не прогадал, делая ставку на простодушие нью-йоркцев: так, довольно ему было назваться племянником адмирала Дьюи, чтобы в банке согласились учесть вексель на имя дядюшки. Жаль, что Силвер помнил только фамилию.

Силвера, надо полагать, немедленно вытолкали взащей, а вот Бендер, попав в такую же ситуацию, выйдет из нее без посторонней помощи: « — Да-а, — протянул он, уклоняясь от прямого ответа, — теперь многие не знают имен героев. Угар нэпа.

Нет того энтузиазма». Будучи не в ладах с историей, жулики зато хорошо ориентируются на местности: «Никто [из детей лейтенанта Шмидта] не хотел брать университетских центров... Все соглашались ехать в Бобруйск хоть сейчас».

Силвер отождествляет город, обреченный стать легкой добычей, со сладким:

I've been saving New York for dessert

— а Билл возражает ему:

It don't dawn upon me that it's ours with a cherry in it.

В переводе Азова эти реплики звучат так:

Я берег Нью-Йорк для десерта.

Мне не кажется, что он так уж и лежит перед нами готовый: пожалуйста, мол, меня кушать.

Развивая уподобление трофея десерту, авторы «Теленка» ввели выражение «на тарелочке / на блюдечке» и использовали такие его переносные значения, как «(поднесено) в готовом виде», «(получено) без усилий» и «ясно видно»:

Внизу на тарелочке лежал незнакомый город. Он был нарезан аккуратно, как торт.

Изба красна пирогами, а долг платежом: в переводе рассказа О. Генри, выполненном Калашниковой, Билл заявляет:

У меня нет такого впечатления, что этот городишко уже выложен для нас на тарелочку и даже ложка рядом.

Сомнения, между прочим, законные: нью-йоркские ловкачи легко облапошат пришлых. Не повезет и Бендеру: тяжелое золотое блюдо, воплощение заветной тарелочки, достанется румынским пограничникам в обмен на менее ценную деталь их туалета: «Разжав руку, Бендер увидел на ладони плоскую медную пуговицу». Скотины — курица неплодная, посуды — пуговица негодная.

Roga & Co. Производственный плутовской роман.

Ю. Щеглов, говоря о некомплектности как свойстве послереволюционного мира вещей, обращает внимание на сходство между наблюдением, сделанным в «Египетской марке»:

Центрбежная сила времени разметала наши венские стулья и голландские тарелки с синими цветочками

— и темою «12 стульев». Совпадение, в самом деле, разительное и, может быть, неслучайное: к сочинению повести Мандельштам приступил тогда же, когда «12 стульев» начали публиковаться. Кстати, Ильф и Петров, заметив, что коллега воспользовался их находкой, в долгу не остались: в следующем романе они превратили «синие цветочки» в «голубую каемку» и велели Зосе Синицкой подавать обед на «тарелках с цветочками и без цветочков».

«Где-то практиковала женщина-врач Страшунер» («Египетская марка»). Ср. «дантистку Медузу-Горгонер» из записной книжки Ильфа. В романе она акушерка, что еще страшнее.

16 vs 16. Не зубы ли прообраз шахмат?

Загадка: варяжский князь, скончавшийся от яда вскоре по произнесении монолога, обращенного к черепу существа, на котором он некогда ездил верхом.

(ЛЭИМед)

Конюх в «Живаго» называет кобылу «мазепой». По свидетельству Помяловского, «в бурсе *Мазепа* было ругательное слово, и, вероятно, основание тому историческое; но во времена нами описываемой бурсы из пятисот человек вряд ли пятеро знали о существовании *Мазепы*». Ходовым оно было и в другой среде, славной своим умением браниться; ср. диалог возчиков в «Степи» Чехова: « — Да что ты ко мне пристал, мазепа? — вспыхнул Емельян [бывший певчий]. — Я тебя трогаю? — Как ты меня обозвал? — спросил Дымов, выпрямляясь, и глаза его налились кровью. — Как? Я мазепа?»

Превращению *Мазепы* в имя нарицательное способствовало, по-видимому, регулярное поминание его в церковной службе: «Забыв Мазепа с давних пор! Лишь в торжествующей святине Раз в год анафемой доньне, Грозя, гремит о нем собор». Предание анафеме вообще расширяло репертуар ругательств неясной семантики. Отчего, к примеру, Селифан прикрикивает на ленивого чубарого: «Бонапарт ты проклятый»? Оттого, что это имя осмыслялось как бранное прозвище с тех пор, как «повсюду проклинали анафемой Бонапартия» («В. и м.»).

«Сцена автопробега в „Золотом теленке“ не имеет столь прочных шансов на бессмертие, как гоголевская тройка: в ней нет самоутверждения перед „другими народами“» (А. Курдюмов [Я. Лурье]. *В краю непуганых идиотов*. Париж, 1983, с. 144). Но хроника автопробега и не задумана в пандан к апологии позднего старта: лидерство «Антилопы-Гну» обеспечено не промыслом, а форой. Источник этого сюжета — очерк «Two Thousand Stiffs» Дж. Лондона (первые переводы на русский — 1913): армия безработных, совершая марш протеста в Вашингтон, пользуется водным путем; команда впереди идущей лодки, ссылаясь на флагманские полномочия, присваивает себе лучшее из провизии, заготовленной прибрежными жителями для всей флотилии; чтобы предупредить действия самозванцев, по берегам посылают верховых.

птица тройка семерка русь

1894: «Слишком ранние предтечи Слишком медленной весны».

1930: «Слишком быстро настает Слишком нежная весна».

Горделивый отчет Брюсова о лыжной прогулке:

Опьяняет смелый бег.

Овекает белый снег.

Режут шумы тишину.

Нежат думы про весну.

и маленький дом,
где можно
прижаться вдвоем [sic]
друг к другу.

Пойду я к нему
тропинкой,
но что одному
там делать?

Задуматься лишь
над тишью
заснеженных крыш
Доббиако.

А двое —
в долине нижней, —
там рядом легли
две лыжни.

Покуда сцена в распоряжении одинокого путника, строфы заканчиваются холостым стихом. Полноценная рифмовка обеспечена только парному катанию:

А двое — в доли-
не нижней, —
там рядом легли
две лыжни.

Прав Шершеневич: «связаны строчки Рифмою, как законным браком».

Наконец, в версии Некрасова-неклассика:

лыжи лыжи

лыжи лыжи

живы живы

живы живы

хоть куда

глаза глядят

тут туда

следы следят

след

в след

снег

на снег

тихо тихо

бух бух бух

хорош хорош

шурух шурух

— лыжников вообще нету, лишь лыжные следы, причем их эквивалент — само слово «лыжи». А отчего «лыжи живы»? Девиз Некрасова: «живу и вижу». Значит, «живы» это, собственно, «видны». Напечатано: «лыжи живы» — читай: «следы видны». Следы на снегу, слова на бумаге. Текст как таковой. А куда «следы следят»? Куда хотят: чуть не каждая строчка читается в обоих направлениях пословно, а последние и побуквенно. Всюду текст.

Палиндромон неправилен? Зато нетривиален: «шорох хорош» слышан ведь и Брюсовым («В дорожном полусне»), и Кирсановым («Лесной перевертень»), и кем только не, а муза Некрасова вынесет все, кроме: «Гляди! Сестра твоя родная!» Всуецигатное суицидально. Идущий по стопам следов не оставляет.

Репутация первопроходца требует, однако, неустанного ухода: «„Антистих“ написан отнюдь не по следам Вознесенского. Равно и „Солдатики“ — не вариант позднейшей песни Галича на тот же сюжет... Хоть у Галича получилось и лучше, как мне кажется. У Вознесенского — не кажется». Пусть у другого лучше (конечно, у такого другого, который политически близок, а эстетически далек, не наоборот), зато у меня раньше. Least not last.

«Цепь следов на снежной глади Остается, как строка, В чистой, новенькой тетради Первого ученика» (Маршак).

Работа выполнена при поддержке Международной федерации зимних видов спорта.

ДАО

надо одно
да одно но:
не дано
а дано
не додано

ЯМАТО

да-да: яма
яма яма
яма-то яма
да яма-то моя
то-то

НАТО

нато-то? а то!
но-но-но! а не то
та-та-та!
на то оно и не танта
не антанта
а танатос

ВО

майская моя москва
сема и овамо
самого мво
войска
пво

Сестра моя краткость. Мой дар глубок и голос мой неробок.

Гексаметрический императив Толстого:

О, окружи себя мраком, поэт, окружися молчаньем,
Будь одинок и слеп, как Гомер, и глух, как Бетховен

— Ахматова зарифмовала:

Поэт не человек, он только дух —
Будь слеп он, как Гомер, иль, как Бетховен, глух

— а Набоков развернул в силлогизм:

глух, как Бетховен, слеп, как Мильтон, глуп, как бетон.

Синтетический идеал. Таковы жених Агафьи Тихоновны и Добрыня по отзыву его матушки:

Уж я рада ли спородила молодца
Силою тебя во Дюка Степановича,
А смелостью во Илью Муромца,
Красотою в Сотка Новгородского,
Кудрями в царевича Кудреевича,
А поступочкой в Чурилу, сына Пленковича.

По Герцену, будущее за русскими: в их характере «есть нечто, соединяющее лучшую сторону французов с лучшей стороной германцев». Острый галльский плюс сумрачный германский. С виду сумрачный и бледный, сам веселый и хмельной.

проведи-ка на мякине
коли два угодя в нем
хоть и легок на помине
тяжеленок на подъем

то Ерема кажет кукиш
то Фома баклуши бьет
выкусишь да не укусишь
рад бы в рай да зуб неймет

Мультикультура — тоже советское изобретение. Культур-мульти-тур.

Это вест, набравший вес. Это ост, ушедший в рост. А вот это местность промежуточная. В ней словесность изящная. Неизвестность манящая. И нешуточная.

Сидим и ботами болтаем между Батыем и Батаем. Диван западно-восточный, обломовский.

«Запад есть Запад, и Восток есть Восток, Запад не может быть Востоком, как Восток не может быть Западом... Стоит только понять, что Запад есть Запад, а Восток есть Восток! Что, казалось бы, яснее этой непреложной истины» (*М. Погодин. Соч. М., 1874, т. 4, с. 238, 252— 253*).

Ходынка. Французский посланник расстроился: зря розы из Ниццы выписали — теперь бал наверняка отменят. А чрезвычайный посол Китая поделился опытом: «Когда во время моего губернаторства в Шаньдуне десятки тысяч умирали от чумы, я писал богдыхану, что все благополучно». Известное дело: разве желтым жизнь дорога? Они ж все на одно лицо, плодятся почему зря и верят в метемпсихоз. Белого царя, разумеется, оповестили. Но бал был. Родина-мать-сыра-земля. Мерзлая и злая.

Опечатка: «народ-рогоносец». Сообщил Б. Колоницкий.

«Родився, не хрестывся; вмер, не спасся; а богоносцем був»
(А. Сементовский. Малорусские загадки. СПб, 1872, № 341).

(гэзо)

Земля, хоть и безвидна, была весьма обильна. Ослами, что обидно.

«Из чего Ты, Царь Небесный, исходил, благословляя?» (Р. Лейбов).

Пена, раковина... бритва. А думалось? Афродита?

Kein Traum — kein Trauma.

— Хорошо, допустим, что Апатрид прав и «представление о реальности расы и этноса возникло из потребности сводить индивидуальные различия к коллективным на основе произвольно выбранных признаков». Но ведь тогда получается, что и евреи в качестве биологической реальности не существуют! — Увы. — Но их же уничтожали! — Ведьм тоже.

«Обидная ясность» (Ницше о Милле). «Ненужная правда» (Брюсов о Станиславском). «Его взгляд оскорбительно много видит» (Герцен о де Кюстине).

Lieber bebrillt als gehört.

В итальянском ресторане на Леопольдштрассе. За столиком около кухни — мафиози, «пасущие» заведение. Один постарше, с опытом жизни в Монако (Мюнхен по-ит.). Другой новичок, деревенщина. У пробежавшей мимо официантки с подноса слетела тарелка:

осколков — во сколько!

Девушка, чертыхнувшись (звуки италийские!), упорхнула на кухню. Надолго. Деревенщина, бросив взгляд на напарника, устремился туда же. Вернулся с веником-совком и собрал осколки.

дневники
при ночнике
ученики
на утреннике

летний сад
медный всадник
средний род
бледный вид

протопоп
аввакум
перпетуум
вакуум

сменная обувь
первая любовь
вечная девственность
мрачная личность

«В слове „поезд“ уже наготове опоздание» (Гандлевский). А все потому, что «расписание... грандиозней Святого Писанья» (Пастернак).

«Мы стали псами подзаборными, Не уползти! Уж разобрал руками черными Викжель — пути» (Гиппиус).

«И на ровной дороге спотыкаются» — пример априорной мудрости. Как и «дураком помрешь».

Недоразвитость путей сообщения и композиционную рыхлость романов удобно объяснять с позиций географического детерминизма. Дорожное строительство искони затруднено отсутствием камня и непрочностью грунта, да и к чему оно — при обилии рек, «готовых первобытных дорог» (Ключевский). А упражняться в сложении и запоминании многофигурных эпосов мешала непродолжительность досуга — следствие сурового климата: не Средиземноморье, чать, а Нечерноземье.

Ну и пусть! Сюжет вязнет в разговорах? Зато о последних вопросах. Нет дорог? Зато есть путь.

Много злости? Зато химически чистой. Как сказал бы Заратустра.

— Вот из-за таких, как ты, нас и ненавидят, — негодует один еврей на другого, веря, что все действительное разумно, осталось лишь истинного виновника выявить.

Кабы я был насеком, скажем, долгоносиком, я летал бы косяком и гулял бы босиком по лугам и просекам.

Если живопись, то идиллия плодов — пекарен, сыроварен и садов — в отсутствие челюстей и утроб. *Stilleben als Lebensstil*. Музыка — следующего столетия и тоже без ляжек, верхних ля и прочих мышечных сокращений. Мизантроп, или Жизнеописание людоеда, ставшего вегетарианцем. Пятый переезд за десять лет, это ли не безумье. Книг с автографами все больше, зато все меньше — без. Если кириллицей в столбик, то Тютчев, а если в строчку, то «Жизнь животных». С полупрозрачным шутц-папиром, к рисунку льнущим шелестя.

Как-то утром у пруда
все играли в города.

Утки крякали о КРАКОВЕ,
про ВАНКУВЕР жабы квакали,
гуси вспомнили ГААГУ,
воробьи — чирик-ЧИКАГО,
а кузнечик очень кстати —
ЦИЦИКАР и ЦИНЦИННАТИ.

— КОРДИЛЬЕРЫ, — каркнул ворон нехотя и гордо.
— Это горы, а не город, — грянули сороки хором. —
А при чем-чем-чем тут горы? Ни к селу ни к городу!

Мураши в траве шуршали
о КИНШАСЕ и ВАРШАВЕ,

беспокоились синицы
о ВЕНЕЦИИ и НИЦЦЕ.
— ОСАКА! — пропел в осоке
чей-то голосок высокий.

Дождик, капая и падая,
КАПУЮ назвал и ПАДУЮ,
а потом добавил градом:
— БАДЕН-БАДЕН-БАДЕН-БАДЕН.

Вот так город! Город-град!
Вмиг все бросили играть
и исчезли кто куда
без следа.

В детстве часами наблюдают за насекомыми, бескровно рвущими друг друга. И, закрыв полнеба, вмешиваются в ход событий.

К генезису греческой трагедии. За ланчем.

Перепуталось все в белоснежных полях под столицей. Бренталь плещет в ночи? Или булькает eau de Cologne? На берлинской стене Лорелея ли кычет зегзицей? Иль у озера Чад одинокая бродит гармонь?

До холодов — категория времени-как-температуры. Непременно успеть до. Холода наступили, и, покуда стоят, время не летит, не бежит и даже не идет, а ползет, тянется. Надобно, завещал

АСП, изобрести машину, очищающую рельсы от снега. Прогресс прогрессом, но и о местной специфике забывать нельзя.

Переживших АСП литераторов поезд пленил своею силою-безусилием и стремительностью: он двигался, согласно расчетам Кукольника, хоть и медленнее «тайной думы», но «шибче воли». В привычку, однако, войдет, не отказываясь от комфорта, задумываться о его цене. Быстрый бег «железного конька» отвечает новому ритму жизни, признавал Полонский, но не ведет ли наша деловитость к душевной деградации? И не на русских ли косточках лежат эти рельсы! — кипятился Некрасов-классик, превращая купе в парламент. ЛНТ заставил беспутного и распутного героя хлопотать о выгодном местечке в железнодорожном бизнесе, а его свояка, неленивого помещика, отправил охотиться в уезд, куда рельсы не проложены, чтобы высадить в богатом крестьянском хозяйстве — задать корм лошадям и вовлечь в душеполезную беседу с мудрым мужичком. Не сажать же последнего в вагон первого класса.

Благодаря скорее явному порицанию, чем тайным к ней симпатиям, железная дорога обзавелась постоянным видом на жительство в беллетристике и занялась оптимизацией приемов повествования. Если прежде время персонажей делилось между говорением, в основном статичным, и передвижением, по большей части безмолвным, то поезд синхронизирует движение и беседу.

Чтобы быстро перенести действие из одной столицы в другую, достаточно вручить героине билет на ночной поезд и английский роман. Не довольствуясь своею властью над сюжетом, железнодорожный демон проникает в идиоматику. Жизнь героя «неизменно и неудержимо катилась по прежним рельсам свет-

ских и полковых связей и интересов». По рельсам? По рельсам. Еще не стертая метафора. «Not in my line», — отзывается этот же герой о другом, а о третьем сообщают, что он ведет расточительный «train [de vie]». Line, стало быть, и train.

Иное дело романс, равнодушный к смене средств передвижения. Тут — что «ямщик, не гони», что «кондуктор, нажми», лишь бы с на-ды-дрывом.

Дорога дальняя. Тираж 3000.
Корректор Носова. Казенный дом.
Вагон столыпинский. Бумага писчая.
Лежит пропорота стальным пером.

Дорога дальняя. Печать офсетная.
Братишка маленький — карманный вор.
Краснознаменная. Звезда приветная.
Калина красная. Сдано в набор.

Задолго до драматургии, которая, покуда поезд не прибыл на вокзал Ла Сьота, зависела от скудных ресурсов театральной машинерии, проза познала роскошь немотивированного ввода и удаления персонажей: поезд следует со всеми, нужными автору, остановками. К тому же беседа или исповедь способна длиться сколь угодно долго: поезд идет по России. «Довольно места культурно отдохнуть» (Цветков).

В вагоне второго класса спорят о любви и супружеской верности дама, адвокат, купец и приказчик. Высказавшись, купец схо-

дит с поезда. Наградив его язвительным отзывом, попутчики продолжают беседу. Доселе молчавший нервный господин подсаживается и с горячностью излагает свои взгляды на предмет спора. Сообщает, что был судим по делу об убийстве собственной жены. Адвокат с дамой переходят в другой вагон, приказчик засыпает, и убийца до утра рассказывает автору историю своей жизни. «В темноте мне не видно было его лица».

Рассуждая о природе греха, герой-рассказчик сравнивает труд железнодорожных рабочих и праздность людей своего круга, у которых «чувственные эксцессы» служат «клапаном» для излишков энергии. Истерзанный приступом ревности, он бросает дела в уезде, и

оттого ли, что, сев в вагон, я живо представил себя уже приехавшим, или оттого, что железная дорога так возбуждающе действует на людей, но только с тех пор как я сел в вагон, я уже не мог владеть своим воображением, и оно не переставая с необычайной яркостью стало рисовать мне разжигающие мою ревность картины, одну за другой и одну циничнее другой.

Прав Кукольник: «Коварные думы мелькают дорогой».

Я был как зверь в клетке: то я вскакивал, подходил к окнам, то, шатаясь, начинал ходить, стараясь подогнать вагон; но вагон со всеми лавками и стеклами все точно так же подрагивал, вот как наш. Ох, боюсь я, боюсь я вагонов железной дороги, ужас находит на меня.

Плох тот мальчуган, утверждали Фрейд и Абрахам, что не грезит о фуражке кондуктора; будучи же подавлено, пристрастие к механической тряске превращается в Eisenbahnangst (тоска дорожная, железная).

По пути с вокзала герой спохватывается, что забыл багаж, но, отыскав в кармане квитанцию, решает не возвращаться за ним. (Отправься он в Москву на лошадях, эпизод с багажной квитанцией был бы невозможен.) Дома узнает, что у жены, несмотря на поздний час, гость. Отсылает лакея с квитанцией на вокзал и врывается к «любовникам».

Исповедь окончена, и железная дорога из искusstителя и соучастника опять становится местом случайной встречи автора-слушателя с убийцей-рассказчиком. Но слушатель выйдет на ближайшей станции, а рассказчик — Каин? Агасфер? — навсегда останется в своей камере пыток, подрагивающем вагоне.

Смерть автора обессмертит имя железнодорожной станции, но благодарные потомки ее переименуют, и новый топоним мало кому известен. А хрущевское министерство путей сообщения присвоит имя автора фирменному поезду.

«Моя бабушка родилась под колесами поезда: ее мать, уже на сносях, переходила железнодорожные пути у Курского вокзала и, чтобы не обходить товарный поезд, решила пролезть под вагоном. В этот момент поезд тронулся, и, пока над ее головой пробегали вагоны, от страха она родила» (А. Амальрик. *Нежеланное путешествие в Сибирь. Нью-Йорк, 1970, с. 202*).

Позднышев:

На одной станции я в буфете увидел, что пьют, и тотчас же сам выпил водки. Рядом со мной стоял еврей и тоже пил. Он разговорил-

ся, и я, чтобы только не оставаться одному в своем вагоне, пошел с ним в его грязный, накуренный и забрызганный шелухой от семечек вагон третьего класса. Там я сел с ним рядом, и он много что-то болтал и рассказывал анекдоты. Я слушал его, но не мог понимать того, что он говорит, потому что продолжал думать о своем. Он заметил это и стал требовать к себе внимания; тогда я встал и ушел опять в свой вагон.

Портрет еврея классичен (болтливость, назойливость, обидчивость), но зачем он здесь? Подготовка темы Агасфера. «А-зе, сто-зе вам и здесь на-а-до?»

Вечный жид, по Бендеру, «жаловался на высокие железнодорожные тарифы, из-за которых ему приходится ходить пешком». Разбогатевшему Бендеру, напротив, «надоели вагоны, верхние и нижние диваны, весь трясущийся мир путешествий». Не мани меня ты, воля, я согласен на покой.

Железнодорожная синекура Стивы зависела от еврея Болгарина, и, дожидаясь его, Стива сочиняет каламбур: «было дело до жида, и я дожидаясь». Подразумевается концессионер Поляков. В романе Головина «Сильный человек» он выведен под именем Литовский (*М. Альтман. Железная дорога в творчестве Л. Н. Толстого. — Slavica, 1965, роç. 34, s. 256*). Почему польскую маску сменила литовская, ясно, а почему болгарская? Вспомнил-ся поляк Булгарин? Который «будь жид — и это не беда».

(ж-д)

Кнутом иссеченная муза диктует поэту: «На уме чины да куши, Пассажиров бьет гуртом: Христианские-то души Жидовину ни-почем». Убеждение в неразлучности добра и красоты — неиссякаемый источник мучений идеалиста. Товарищ не понимает, как одна и та же рука выводит: «Средь шумного бала, случайно, В тревоге мирской суеты» и: «За двести миллионов Россия Жидами на откуп взята». Товарищ закликает: «Ржавей, перо! Красней, бумага!», но бумага способна лишь желтеть. Искусство не кончается там, где дышит и чавкает почва.

эту вышивку и утварь
эту удаль
и посконную рубашку
нараспашку
эти люли во саду ли
у бабули
сотню черную одежек
без застежек
как услышу как увижу
ненавижу

«Словно чопорный германец При ботфортах и косе Неуклюжий дилижанец По немецкому шоссе» (Вяземский). Надеждин о трех «Грамматиках» Греча: «Эта тройка недалеко уехала на пустыре русского языка; да она и заложена не по-русски: не в русскую лихую упряжь, а в немецкое тяжелое дышло». Что

тогда говорить о трех «Критиках» Канта? Императив, да еще категорический, ничего, кроме ненависти, внушить и не способен.

Ех *occidente lex*? Как бы не так, от импортной доктрины не инструкций ждут, а удостоверения, что «Бога нет». Ибо тогда «все дозволено». А вовсе не «Его следовало бы выдумать». Закон же — считай его эмблемой иудаизма в противоположность христианской благодати или основой западной общежительности в противоположность природной справедливости и сердечности славян — всегда на чужом берегу, и переправа не нужна. Не по закону живем, по понятиям. Европе — *égalité*, Штатам — *liberty*, а нам — братство. Братки, братва, брат-раз, брат-два. По классу, по разуму, Покрассы, Карамазовы. Заповедник францисканства.

Если на улице встречаются непуганые кошки, следует удвоить бдительность: не отыгрываются ли здесь на людях? Представление о Западе как западне.

Готовность отдать последнюю рубашку — единственная добродетель, щеголять которой безопасно.

«Новь»:

...по вольной милости живете?.. С тех пор я жалостливая стала; а прежде — что жимолость, что я. Как есть дерево!

Я молю, как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости.

В «русском» сюжете телесериала «The Agency» (ЦРУ спасает цивилизацию) агент, загримированный калекой-нищим, вызывает к прохожим: «Milosti prosim». Без акцента.

«Поклонник Канта и поэт» — комбинация в двадцатом веке редкая. Поэтом считают того, «кто Канта наголову бьет» (Цветаева). Во всяком случае, манера чтения «Я в руки брал то Гуссерля, то Канта И пел с листа» (Цветков) отличается от практиковавшейся прежде: «Кант подвигается микроскопически, прочел одну треть книги [«Kritik der reinen Vernunft»] и многого не разжевал, как бы хотел, хотя общий очерк его системы мне понятен. Но есть выводы демонстративные до того тонкие, что надо особенное внимание при чтении. Недаром Шопенгауэр понял его только при восьмом чтении. Но мое первое стоит пятого» (Фет, письмо к ЛНТ).

Зато неизменной остается точка приложения словесной изобретательности: «Кант есть и у нас — только на воротниках инженеров!» («Новь»); «Возри на Пруссию: не Канты, Не Гегели на целый мир Ее прославили, но канты, Погоны, выпушки, мундир» (Буренин); «Вермель в Канте был подкован, То есть был он, так сказать, Безусловно окантован, То есть Канта знал на ять» (Мандельштам); «Уже знакомы с Гегелем и Кантом, И сами не последние умы, Но шаровары те с армейским кантом В студенчестве еще таскали мы» (Ваншенкин); «сажусь пишу читаю канта Малинового. На штанах Пузырится, пестрит ландкарта» (Кривулин). Кант, на-тка, как ткан!

Каламбур на правах вещественного доказательства, Кант-и-кант подтверждает подозрение, что правильное философствование

сродни артикулам, циркулярам и перпендикулярам, сродни пространству, в котором дома строятся в линии и роты (а скрещенье более чем двух улиц столь чрезвычайно, что запоминается, как скандал на высочайшем смотре, и именуется по результату: Пять Углов). Kants Petersburg.

Кант «окружил познаваемое стальной стеной» (Брюсов), возвел «духовные казармы» и учредил «полицейскую философию» (Бердяев). Шаг влево, шаг вправо — и «Кант-постовой засвистит в свисток» (Бродский), «Канта отточенный карандаш Нам нарисует четыре угла» (Лосев). Kants Knast. Карлик со «сморщенной кожей» и «слезящимися глазками тайного советника» (Блок), старик в «изъеденной молью шубе» (Вяч. Иванов), он берет в полон русскую психею, как Циннобер Кандиду, Черномор Людмилу, сучит «пряжу паучью понятий» — и сердце поэта бьется «бабочкой в лапах мохнатых у Канта» (Белый). Муза криком кричит в понятийной Кантом сотканной паутине.

«Только ничего не выйдет, Господин хороший Кант! Голова в прекрасном виде У рабочих и крестьян» (Пригов). К примитивному прямохождению русского человека не склонишь — он округл и себе на уме: кОлОбОк, ОблОмОв. Не кантовать!

Чем пленяет Мюнхгаузен? Немец, а врет.

«Сюртук — зеленый, с белым кантом; Перчатка белая в руке; Я — меланхолик, я — в тоске, Но выгляжу немного франтом», — любовно оглядывается поэт на себя студента, а в других мемуарах, нерифмованных, жалуется, что интеллектуальное превос-

ходство над окружающими снискало ему в университете репутацию белоподкладочника: «Белый ходит с Кантом», — острили завистливые мещане.

Но почему вообще Кант? Знакомство с его «Критиками» давало пропуск «в общество порядочно мыслящих» (Белый), или повышало поголовье шарлатанов: «Ослу образование дали. Он стал умней? Едва ли. Но раньше, как осел, Он просто чушь порол, А нынче — ах злодей — Он с важностью педанта, При каждой глупости своей Ссылается на Канта» (Черный).

Ссылки удостоверяли факт знакомства, завязанного самым надежным способом — тактильным. Герой «симфонии» Белого листает «Критику чистого разума», роняет ее, швыряет на стол и ударяет по переплету, говоря оппоненту: «Тут есть одно место...». Что за место, секрет, зато содержание диспута изложено подробней некуда: «были слышны лишь отрывочные восклицания: „Постулат... Категорический императив... Синтез...“».

Столь же отчетливой философичностью насыщена и лирика Белого: «Но „Критики“ передо мной — Их кожаные переплеты»; «Сжимаю жадно желтый фолиант. Строка несет и в берег бросит: Кант»; «Оставьте... В этом фолианте Мы все утонем без следа!.. Не говорите мне о Канте!..»; «И пожелтевший фолиант Заложен бледной незабудкой; И корешок, и надпись: Кант».

Бюст Канта, томики Канта и о Канте — вот, собственно, и все, что украшает кабинет философа в романе «Петербург». Некогда Надеждин вздыхал: «Увы! воспитанные в глубоком уважении к печати и печатному, мы до сих пор считаем книгу чем-то парадным, не смеем являться к ней нараспашку, в халате, туфлях и

колпаке» (*Телескоп*, 1836, ч. 31, № 2, с. 223). Аплеухову-сыну сия варварская робость чужда: перед Кантами-фолиантами он прохаживается в бухарском халате, мягких туфлях и ермолке.

Став штейнерьянцем, Белый вовсе отказался от философского багажа ради теософского и величественно оповестил воображаемых поклонников: «Прежде со мной путешествовал Кант; книга оказалась неудобной при переездах» (*Труды и дни*, 1912, № 4/5, с. 57).

Да и зачем штейнерьянцу книги? Изучать полагалось конспекты лекций учителя. Который, к слову сказать, тоже брал в дорогу не книги, а выданные из них страницы, нужные для подготовки очередного курса. Отчего его библиотека (ныне в Дорнахе) изобилует переплетами с не востребовавшей информацией. Вот и комплект полного собрания сочинений Ленина, выписанный для одноименной комнаты замполитом батальона, спустя полгода представлял собою шеренгу ледериновых муляжей. А романам, кочевавшим по тумбочкам казармы, недоставало, напротив, обложек. Мораль?

Аполлон Аполлонович, Арчибальд Арчибальдыч. Строем из «Шинели». Один усвоил уроки юродства, другой — лубочного зубоскальства. Синтез? Всего удачней у Зоценко.

In den Schornstein schreiben. Schrift im Schornstein.

Мюнхгаузен, оказавшись в молодой Стране Советов, удивляется медлительности поезда и выясняет, что за отсутствием иного

топлива используются книги, а кочегар, бывший профессор, каждую прежде читает (*С. Кржижановский. Собр. соч. СПб, 2001, т. 2, с. 184—186*).

Образ впечатляющий, но вот, например, шахматовская библиотека, оплакиваемая не хуже александрийской, состояла из одного дачного чтива. И принадлежала скифу.

Белому нравилось ссылаться на определение прекрасного как целесообразности без цели. Полагал, правда, что это определение искусства, а не прекрасного. Мало того: ни разу не заглянув в источник — «Критику способности суждения», так и не узнал о существовании Кантовой эстетики и принялся возводить здание собственной эстетики на фундаменте Кантовой гносеологии (*A. Zink. Andrej Belyjs Rezeption der Philosophie Kants, Nietzsches und der Neukantianer. München, 1998, S. 20 ff*). Ошибка вроде Колумбовой и столь же продуктивная.

Любопытно, чем руководствовался признанный в окрестностях Довлатова эрудит, говоря о поэте Лосеве: «так скрупулезно и талантливо культивирует внешность и обиход дореволюционного профессора, что кажется цитатой из мемуаров Андрея Белого». Профессоров Белый изображал гугнивыми и вертлявыми карлами.

Еще гимназистом задумал «написать во что бы то ни стало философский кирпич» и в возрасте двадцати девяти лет издал сборник своих статей под названием «Символизм», в котором объявлял, что «поэт во всем понимает лучше всякого профессора»

(с. 615), и цитировал литературу на английском, датском, древнегреческом, итальянском, латинском, немецком, польском, французском. Экскурсы в санскрит, китайский, древнееврейский. Эстетика, математика, теория вихревого движения жидкости. Мрамор, бронза, мореный дуб.

Но ученые мужи не спешили по-шмелиному жужжать и толкаться в его передней. Из печатных отзывов безусловно хвалебным был лишь один — книготорговая реклама: «Подробные комментарии указывают на огромную начитанность автора» (*Изв. кн. магазинов т-ва М. О. Вольф по лит., наукам и библиогр., 1910, № 6, стб 107*). В более обстоятельных рецензиях отмечалось, что автор стремится «показать читателю эрудицию даже в тех случаях, когда ее на самом деле нет» (*Рус. ведомости, 5. 10. 1910*) и «упорно домогается внешней научности, которая совершенно чужда ему» (*Рус. мысль, 1911, № 5, отд. 3, с. 190*), что книга изобилует «ненужными» комментариями (*Всеобщ. журн., 1910, № 1, стб 298*) и «слишком уж бессистемными и часто мало проверенными ссылками на философскую литературу» (*Речь, 7. 02. 1911*), что характеристики учений древних греков «сделаны крайне сбивчиво и неточно», а списки литературы по символизму «бесспорно состоят из случайного набора заглавий» (*Аполлон, 1910, № 11, с. 53*).

«Гербарий», пожимал плечами Шпет. «Орнамент», усмехался Мирский. «Als-Ob-Philosophie», до сих пор кривится Апатрид. А вот по данным энциклопедического словаря «Русская философия» (1995), «для Б. характерно тяготение к строго науч. осмыслению фактов реальности и данных сознания, к систем.-аналит. мышлению, к формализов. постановке проблем». Кому верить?

В 1913-м Метнер, издатель «Символизма» и прототип Аблеухова-отца, заботясь о возвращении Белым крупного долга, взялся отстаивать его и свои собственные интересы на переговорах с Терещенко. Скоро обнаружилось, что в намерения последнего не входит переиздание философских сочинений Белого. Дело в том, досадовал Метнер в письме к Белому, что Терещенко «изучал Риккерта и других неокантианцев в Лейпциге, и ему кажется несколько произвольной Ваша интерпретация». Белого приводили в ярость малейшие сомнения в его компетентности. (А знал ли, что его котурны картонны и карикатурны? Знал, но полагался на свой дар имитатора — и впрямь изумительный.) В ответном письме он негодовал: у «лейпцигского доктора» Терещенко «мозг школьника»! Метнер пытался переубедить не в меру просвещенного издателя: конечно, признавал он, «начитанность Андрея Белого беспорядочна, случайна, неравномерна», а «излюбленного им Риккерта он вовсе как следует и знать не мог, т. к. читал только переведенное на русский язык», но — и провозглашалась свобода творца от читательской повинности ввиду его природного превосходства над знатоками: «если бы даже удвоить число промахов и недостатков философствования Андрея Белого, все же они значительнее и важнее... нежели все почти, что пишется современными профессорами философии» (архив Метнера в Библиотеке Ленина).

Терещенко увещаниям не внял, но в историю русской мысли угодил — став героем философского романа «Вспомнишь странного человека...». Роман презанятный: Брюсова там величают Валерием Павловичем, а Блоку приписано авторство «Грядущих гуннов». Все это, разъясняет критик, результат «фикционализации»

материала (*Нов. рус. кн., 1999, № 1, с. 21*). Придется, похоже, пересмотреть отношение к пьесе Штейна «Версия: Фантазии на темы Блока»: четверть века тому назад она забавляла несообразностями вроде именованя Белого «Андреем» и «Андрюшей», а это, выходит, фикционализация была. Высокое косноязычье. (— Сам-то не из таковских? — Тсс!)

«От чтения книг Знайка сделался очень умным. Поэтому все его слушались и очень любили» (Носов).

Первым, кто оценил художественный потенциал имени Крупп, был, видимо, Буренин: в стихах о франко-прусской войне он изобретательно рифмовал «немец Крупп — за трупом труп» и «жерло пушки Круппа — чересчур уж глупо». Затем Саша Черный в отчете о речи кайзера 1907 года упомянул Круппа рядом с Кантом: «Не цитировал лишь Канта, Как на свадьбе дочки Круппа, Потому что Кант народом Понимался очень тупо». А спустя семь лет Эрн прославился лекцией «От Канта к Круппу», в которой доказал, что «внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа». Или, как отозвался о немецком народе Бальмонт: «Свой ум он вылил в пушечные жерла». Рифмы «стерла — мерло — горло». Сонет.

Союзники тоже указали на фамильное сходство «Критик» с Большой Бертой: Леон Доде издал брошюру «De Kant à Krupp» (как и Эрн, он, вероятно, пародировал заглавие курса Виндельбанда

«Von Kant bis ...»). Что отличало русский вклад в борьбу с Кантом, так это мобилизация автодидактов: подвиг приват-доцента Эрна повторил прапорщик Воротынкин, сочинив в окопах Юго-Западного фронта трактат «Элементы чистого разума. Критика кантовской логики. К вопросу об освобождении русской мысли от немецко-мозгового засилья». Предано тиснению в Луцке иждивением однополчан. Незаслуженно забытый труд. А сколько таких!..

Белый, выпускник физико-математического факультета, снисходительно отверг уравнение Эрна: «Почему Кант именно? Лейбниц — виновник теперешней бойни народов»; ответственность несет не германская философия, а общеевропейская наука: «Дифференциальное исчисление оказалось приложенным к пушке: Лейбниц, Ньютон, Декарт поступили на службу к Круппу». Но риторические выгоды сделанного Эрном открытия были слишком очевидны, и в мемуарах Белый поведаёт о том, как в юные годы оборонял свою теорию символизма «орудиями Кантовой критики» и, наоборот, как московские кантианцы «выходили на бой в тяжелейших доспехах, стреляя из крупповских пушек», а он ловчайше уворачивался от ядер. Ради большего соответствия жанровому образцу — театру Петрушки — реплики современников будут сведены к междометиям.

Из письма Н. Плотникова:

Среди «Ursachen des Deutschenhasses» Шелер называл пристрастие немцев к синтезу идей и технологии — Фихте и Круппа. Именно Фихте: в годы первой мировой войны спрос на его патриотическую риторику был в Германии куда выше, чем на универсальную этику

Канта. То же наблюдалось и в период нацистской диктатуры, так что после 45-го некоторые философы пытались представить свою верность Канту едва ли не участием в Сопротивлении. Однако, например, Дьюи в «German Philosophy and Politics» (1915) утверждает, что Кантово подчинение действительности разуму послужило идейным источником германского милитаризма, а в переиздании 42-го года добавляет: и национал-социализма.

Зато в мирное время скандальные разоблачения мнимых антиномий уступают место солидному объективизму: «Хризантема и меч», «Икона и топор». (Какие Канны? Йель!)

Чем впечатляют Царь-пушка и Царь-колокол? Существуют одновременно.

«Философ не нашелся сказать ничего». Самое неправдоподобное место в «Вие».

По данным рижской печати (*Бизнес & Балтия*, 20. 02. 1996):

Если Фридрих Ницше, некогда ожесточенно мерявший шагами недалекий от нас Кенигсберг, призывал, отправляясь к женщине, брать с собой плетку...

А ведь век назад он пленял как раз антикантианством: высмеивал моральный закон внутри и звезды над головой и страстно твердил про древний хаос, про родимый, который нужно носить в себе, и про танцующую звезду, незаконную комету, темного хаоса светлую дочь. Ныне ценим как антимарксист. Рождение

фарса из духа противоречия. Хотя «грабь награбленное» и «падающего толкни» недолго и перепутать, и не исключено, что со временем напишут: «Фридрих Ницше, некогда метавшийся по круглому залу Библиотеки Британского музея...». Батальонный замполит говаривал: «По словам древнего философа Ницше, человек есть чистая доска». Доска и есть. Пиши не хочу.

...то теперь плетка — не как орудие наказания и подавления, а как фетиш власти — нередко появляется в женских руках.

Ну, это, положим, и прежде не в диковинку было. Инверсия субъекта и объекта насилия. Заратустра устами Антоновского рассказывает о человеке, который «искал служанки с добродетелями ангела», но сам «стал он служанкою женщины, и теперь ему самому надо быть ангелом». А плетка? Захватить ее рекомендует Заратустре некая старушка, выслушав его соображения о женской природе, и этот совет, «если к нему приглядеться, содержит лишь одностороннюю практическую формулировку той теоретической характеристики женщин, которую набросал сам Заратустра» (*G. Naumann. Zarathustra-Commentar. Leipzig, 1899, Bd 1, S. 196*). Но раз так, то чем объяснить восхищение Заратустры словами старушки? Быть может, они являют собою вывод не из его наблюдений над женской природой, а из наблюдений старушки над самим Заратустрой? И захватить плетку ему следует для того, чтобы вручить ее женщинам и изведать сладость повиновения, превращения в *Nichtssche*, как его дразнил Дюринг?

Эффектная пауза. В пользу этой дерзновенной гипотезы говорит история размещения фигур на люцернском фотоснимке: «Брат должен был сесть на маленькую тележку садовника, которую

повезут фрейлейн Саломе и д-р Пауль Ре. Конечно, мой брат, как учтивый кавалер, предложил свое место даме, и она его, к изумлению брата, тотчас заняла» (*E. Förster-Nietzsche. Nietzschelegenden. — Zukunft, 28. 01. 1905, S. 172*).

Источником этого фотосюжета называли и образ богини победы, и Платоново уподобление человека возникшему, держащему свои инстинкты в узде (*W. Ross. Der ängstliche Adler. München, 1994, S. 618*), и описание колесницы Фрикки во втором акте «Валькирии» (*C. Janz. Friedrich Nietzsche. München, [1999], Bd 2, S. 130*). Уместнее было бы вспомнить легенду о том, как возлюбленная Александра Великого, вскружив голову почтенному летам Аристотелю, заставила его опуститься на четвереньки и оседлала, каковой сюжет пришел с Востока в тринадцатом столетии и распространился «от Англии до Кракова, от Леона и Толедо до Ревеля, от стран севернее Балтики (включая даже Исландию) до Палермо», причем изображение взнузданного философа и взмахнувшей плетью красавицы (а иногда еще и свидетеля этой сцены — Александра) где только не встречается: «на церковных фасадах, в клуатрах, на капителях нефов, релiquариях, особенно часто на боковых стенках и исподах откидных сидений на хорах, на надгробиях и внутри погребальных сооружений, на гребнях, шкатулках из дерева и слоновой кости, сундуках, кроватях, седлах, оружии, зеркалах, коврах (например, тех, что украшают зал регенсбургского рейхстага), столовой посуде, столешницах, витражах, покрывах (для коронации Карла V), фресках, церковных сосудах, игральных картах, шашках, каминном чугунном литье и изразцах, а также, разумеется, на миниатюрах рукописных книг, народных картинках и многочислен-

ных „Trionfi dell'Amore“» (J. Storost. *Zur Aristoteles-Sage im Mittelalter. — Monumentum Bambergense. München, 1955, S. 305—306*). А также на лубке петровского времени и (отмечено М. Вайскопфом) в сюжете Гоголя о ведьме, оседлавшей философа. Also sprach Kamasutra.

По мотивам Рингельнатца:

Ein männlicher Briefmark erlebte	Почтовый Марк влюбился горячо
Was Schönes, bevor er klebte.	В принцессу, чей прелестный язычок
Er war von einer Prinzessin beleckt.	Его коснулся нежно и игриво.
Da war die Liebe in ihm erweckt.	
Er wollte sie wiederküssen,	
Da hat er verreisen müssen.	О, как он рвался поцелуй вернуть!
So liebte er sie vergebens.	Но тронулся конверт в далекий путь...
Das ist die Tragik des Lebens!	Почто Фортуна толь несправедлива!

Языковеды, составляющие словари, ограничивают употребительность слова «облак» девятнадцатым веком, так что Сологуб, Брюсов, Блок, Белый, Есенин, Гумилев, Хлебников, Пастернак, Мориц и Бродский пользовались им, нарушая срок годности. На свой страх и риск. Но влетело за это не всем, а одному только поэту Сидорову: его строчка «Косматый облак надо мной кочует» послужила поэту Иванову материалом и поводом для пародии — полюбившейся многим, в том числе языковедам, изучающим механизмы комического. См., например: В. Девкин. *Занимательная лексикология. М., 1998, с. 175—176*; В. Санников. *Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999, с. 75*.

Прежде были обры озорны и облы, а сегодня обр «устар.» или «обл.».

— Вранье! — воскаркнул ворон, узрев в зеркале врана.

Читая текст впервые, неловко встречать в нем уже известные фразы. С понятием «крылатое слово» плохо вяжутся образы гнезда, помета, скорлупы.

Среди действующих лиц «Дворянского гнезда» числится кот по кличке Матрос (Матроска). А в «Печерских антиках» о старце Малахии говорится: «человечище прекрупное» и «похож на матерого волка».

«Осетин-извозчик» — пример на употребление дефиса из школьного учебника. Теперь ясно, о ком это: о Газданове. Дондежавю.

золотой петушок — серебряный голубь — бронзовая птица

Вылетит — не поймашь, но из песни не выкинешь. «В пыльный бубен била звонко». Чудо-бубен: сколько в него ни бей, а он все пыльный. И при этом звонкий. А то вот еще: «Слова, как ястребы ночные, срываются с горячих губ». Хотя ястреб хищник дневной, а ночные хищники летают беззвучно. (Бальмонт посетовал: «И страсть ушла, как отлетевший лунь», а Бунин изумился: что это за страсть такая, если лунь — птица «таинственно-тихая, медлительная и совершенно бесшумная при перелетах». То

ли дело у Фета: «Вот лунь проплыл, не шевеля крылом».) К тому же ястреб, в отличие, к примеру, от ласточки и жаворонка — нечистая птица, а в отличие от орла и сокола — неблагородная. Да и вообще зловещая: «Отколь ни взялся ястреб злой». Ничего, поют.

«Как бы ни бряцали оружием ястребы», — дивно молвил ведущий «Атлантического дневника» (4. 11. 2002). Век «Свободы» не слышать.

По мотивам Йандля:

ottos mops trotzt	отто с мопсом строг
otto: fort mops fort	оттого что тот
ottos mops hopst fort	рвёт обормот
otto: soso	свой поводок
otto holt koks	ох чтоб он сдох
otto holt obst	мопс прёт в дом
otto horcht	он мол продрог
otto: mops mops	отто пьёт бром
otto hofft	
ottos mops klopft	отто бьёт дрожь
otto: komm mops komm	оттого что пёс
ottos mops kommt	жрёт всё сплошь
ottos mops kotzt	потом понос
otto: ogottogott	отто пол трёт
	о чёрт орёт

По наблюдению Флобера, «Le bon Dieu est dans le détail». В Штатах творца оснастили рогами и хвостом: «The devil is in the details» и даже просто «in the tails», а на Руси — крыльями: «Всесильный бог деталей, Всесильный бог любви». Откуда купидон? На рейнской переправе «le bon Dieu» стал «der liebe Gott» («Der liebe Gott steckt im Detail»), по пути на восток — «Gott der Liebe».

В набоковской «Сказке» черт, воплотившийся в г-жу Отт (купеческой комплекции, разумеется), обещает герою осуществить его мечту о гаремных утехах при условии, что к полуночи число его избранниц будет нечетным. К одиннадцати часам герой, гуляя по городу, «отбирает» одиннадцать женщин и отправляется по адресу улица Гофмана 13, где ему обещано обладание избранницами, однако по пути непроизвольно отмечает своим вниманием двенадцатую, после чего лихорадочно ищет еще одну, находит — и узнает в ней первую из уже выбранных. Условие о нечетности, таким образом, не соблюдено, а между тем отпущенное время вышло. Финал: у шофера такси заблудившийся герой выясняет, что забрел на улицу Гофмана, а оказавшаяся в том же автомобиле г-жа Отт сообщает ему, что «дело не вышло».

У Белого автомобиль возит «смерть в цилиндре» («Город»), у Блока — мертвеца во фраке («Пляски смерти»). У Набокова «skeleton» и «automobile» соседи, если не родня («The Room»):

Whenever some automobile
subliminally slit the night
the walls and ceiling would reveal
a wheeling skeleton of light.

Но черт в таксомоторе это еще и насмешка над *deus ex machina*: читателя приглашают оценить умение автора обходиться без искусственных развязок. «Всякое движение стремится к полному кругу», — замечено в «Венецианке». А что есть полный круг? Возвращение в строй: «И Цинциннат пошел... в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему» («И гадкий утенок поплыл навстречу прекрасным белым птицам»). Или возвращение к разбитому корыту, как в «Сказке».

Еще в «Путеводителе по Берлину» Набоков обратил внимание на достоинства трубного имени Отто:

Сегодня на снеговой полосе [лежащей на трубе] кто-то пальцем написал «Отто», и я подумал, что такое имя, с двумя белыми «о» по бокам и четой тихих согласных посередке, удивительно хорошо подходит к этому снегу, лежащему тихим слоем, к этой трубе с ее двумя отверстиями и таинственной глубиной.

Сходный образ использован в рассказе «Облако, озеро, башня»:

Это было чистое, синее озеро с необыкновенным выражением воды. Посередине отражалось полностью большое облако. На той стороне высилась прямо из дактиля в дактиль старинная черная башня. Таких видов в средней Европе, разумеется, сколько угодно, но именно этот по невыразимой и неповторимой согласованности его трех главных частей был чем-то таким единственным, и родным, и давно обещанным... было ясно видно озеро с облаком и башней в неподвижном и совершенном сочетании счастья.

Итак, идею гармонии символизируют Озеро, отраженное в нем Облако и башня, надо думать, тоже круглая — как труба из «Путеводителя». Но все это были подоби́я, а эстетика симметрии

требовала, чтобы у ОТТО имелся еще и антипод. Таковой был найден и предъявлен в «Приглашении на казнь»:

Тупое «тут», подпертое и запертое четою «твердо», темная тюрьма, в которую заключен неумно воющий ужас, держит меня и теснит.

Чета согласных знакома по «Путеводителю», но теперь они разлучены и образуют рамку. Не была ли получившаяся комбинация букв — ТООТ — сперва осмыслена как англ. toot (имитация и обозначение трубного звучания), а потом транскрибирована: ТУТ? Так или иначе, отверстие и ясное обернулось запертым и темным, а счастье и покой воющим ужасом.

Примеров довольно, чтобы заподозрить имя Отт в родстве с ними. Это ОТТО в его неполной форме, или в его нечетной фазе. (По наблюдению О. Ронена, Отт есть Gott без первой буквы и Otto без последней.) В наличии же у ОТТО нескольких фаз убеждают рассыпанные по «Сказке» комбинации «о» и «т»:

Зато, отделенный от тротуара...

Это был отдых от более ответственных...

И оттого, что было воскресенье, и оттого, что...

Это была госпожа Отт. От жары...

...отозвалась госпожа Отт.

Демонстрируя свои способности, г-жа Отт велит трамваю сбить с ног некоего господина в очках, и сейчас же эти очки поминуются еще дважды — чтобы читатель увидел их во-Очию. А фары чертова авто названы «двумя огненными пузырями» — тоже, конечно, для пушей наглядности.

В автоколонне, катящей по потрясенной мостовой двадцатого столетия, таксомотор г-жи Отт следует сразу за моделью, сконструированной Ходасевичем: «Здесь мир стоял, простой и целый, Но с той поры, как ездит *тот...*». Курсив автора.

Где палиндромон, там и шахматы. «Два белых „о“ по бокам» суть ладьи белых, вид сверху. «Старинная черная башня» (кавказский сувенир?) тоже ладья: башней эту фигуру называют немцы и французы. Английское же ее наименование и этимология русского слова «тюрьма» придают жалобам Цинцинната — «темная тюрьма держит меня и теснит» — шахматное измерение. Король без прикрытия, не путать с голым. *Solus rex, sed rex.*

to be or not to be
haben oder sein
être ou paraître
была не была

«Зарубежная»: живопись, философия etc. Что проку уточнять, чья именно. Шпион иностранной разведки. Кура импортная. Иномарка.

Суворин (дневник) пишет, что Поляковы «из оршанских жидков». Это не совсем точно: они из местечка Дубровно. Оттуда и вся бабкина, по материнской линии, родня, живущая теперь в Хайфе, Акко, Натани, Кармеле и — о, позор! — в Ганновере.

Еврейская эмиграция в Германию как крайняя степень падения. Во-первых, советскому еврею полагается чувствовать себя предателем уже от рождения: пятый пункт — пятая колонна. (В ленинградском трамвае весной 91-го попутчик принялся было возмущаться наглостью кавказцев, но спохватился: — А сами-то вы кто будете? — Еврей. — Да ну вас! — Кроме шуток. — Да хватит из себя героя-то корчить!)

Во-вторых, он не просто покидает страну, где его терпели-кормили-учили, но дезертирует, ведь пресловутая падающая стена, из-под которой он чудом выскользнул, есть стена осажденной крепости. Боевой пост. Город-герой Нопасаранск. Тут как нигде чтут ремесло пограничника и заставу богатырскую со вспомогательной фауной: дозорными золотыми петушками, морозамивоеводами и ингусами-джульбарсами. «И даже мглы ночной и зарубежной Я не боюсь!» — оснований для гордости и впрямь немало, ибо нет ничего черней и тавтологичней зарубежной мглы. А коли стена взаправду падает, стой смирно, как все, не рыпайся. Другим еще хуже.

И в-третьих. Пусть бы он перебрался из одной осажденной крепости в другую (окончание трамвайной беседы: — Раз еврей, в Израиль ехать надо. — Зачем? — От арабов обороняться). Или хотя бы высадился на кисельном берегу молочной реки Гудзон. Но «постоянное местожительство в Германии» — это уже сотрудничество с оккупантами, братание с палачами.

«Илья Муромец — единственный герой русского эпоса, кто был канонизирован. Мировая литература не знает подобного случая причисления фольклорного героя к лику святых» (В. Куд-

ржавцев. Художественная летопись о пограничном деле на Руси. М., 1998, с. 50). Песнь о небылунгах. Родина слонопотамов. На кривой не объедешь, аршином не измеришь. Разве что бельгиями и священными пядями.

— Что вы хотели? — Визу. — Куда? — А вы что, в разные страны выдаете? — Нет. Здесь Генеральное Консульство Российской Федерации. На входе, между прочим, написано.

В Россию только можно верить.

— Ты зачем от бабушки ушел? — Как это зачем? Чтобы дедушка не съел. — Ах, какие мы нежные!

Жил да был да был таков. Эпитафия.

Успех эмигрантской словесности: раз там так гнусно, значит здесь вполне сносно. И еще: наши им там дают прикурить.

Русские евреи уверены в том, что являются носителями европейской цивилизации и что эта последняя проникнута антисемитизмом.

«Мы не в изгнании, мы в послании».

— Спрашиваю немцев с нашего подъезда: «Хабен зи Гейне гелезен?», а они и имени такого не слышали!

Задуховность.

Ende der Europhorie.

Поэты отождествляют себя с евреями, декларируя свою независимость от авторитетов: «С Израилем певцу один закон: Да не творит себе кумира он». Либо упиваясь собственным изгойничеством: «В сем христианнейшем из миров Поэты — жидаы» (та же логика — «Żydek» Тувима).

А евреи, разумеется, убеждены, что речь о них: уравнение «поэты = жидаы» прочитано справа налево. Когда в 1996-м в Тарту проводили конференцию под вывеской «Катастрофа в культуре, культура в катастрофе», половину аудитории первого дня составили члены местной еврейской общины.

«Христос тоже еврей». А не будь? Тогда, конечно, другое дело.

Разновидность этой мантры — местечковое ликование «Сколько наших среди нобелевских лауреатов!» Насекомые делятся на полезных и вредных.

Е. Трубецкой:

В известном народном пересказе беседа Христа с самарянкой передается буквально так: «Она Ему говорит: как же я Тебе дам напиться, когда Ты — еврей; а Он ей в ответ: врешь, говорит, Я чистый русский». Рассказ этот всегда неизменно вызывает снисходитель-

ную улыбку по адресу темного, безграмотного, простого народа. Между тем он выражает собою самую сущность той национально-мессианской психологии, которая, быть может, еще в большей степени увлекала людей высокообразованных и культурных.

Кажется, первым в еврейскости Христа усомнился Фихте-старший. Впрочем, еще на заре Реформации установили, что Адам был немец. *Germania grandiosa*. Но и тут русские прусских бивали: Ремизов объявил квинтэссенцией русскости — юродство («Это наше, русское, эти выродки рода человеческого — юродивые, люди не похожие на людей») и, основав Обезьянью Палату в стиле рюсс, избавил соотечественников от принадлежности к лицемерному человечеству и породнил с племенем обезьян. Племенем переимчивым, но и своевольным: Писание переписывается, однако, скажем, фигура Саломеи вычеркивается — с невозмутимым объяснением: «Наш апокриф такой не знает».

«Нам чужды общие законы и преданья, Не от Адама мы ведем свой род и век; Днем раньше или днем позднее мирозданья Был создан русский человек» (Вяземский).

Напечатано:

Кормя Зевесова орла

Следует читать:

Пася Велесова козла

Эпиграфом к одному из Писем Чаадаева служит цитата из Первого послания к коринфянам. Намек на жанровый образец? Послания Петра к третьим римлянам.

Чичиков — водевильный дьявол, а Хлестаков? Лже-Мессия. Вместо трубного гласа — короткие гудки, немая сцена.

«Болотный попик» Блока возник из многозначности слова «ряска» и под влиянием пьесы Гиппиус «Святая кровь». Герой пьесы, кроткий о. Пафнутий, готов крестить русалку, а болотный попик

И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу.
Перекрестит и пустит гулять:
— Вот, ступай в родимую гать.

Сей почин подхватит русский Dr. Dolittle:

И принесли к нему зайку,
Такого больного, хромого,
И доктор пришел ему ножки,
И зайнька прыгает снова.

Чудо о пришитых ножках вызывает в памяти еще один сюжет:

И вот, там был человек, имеющий сухую руку. Тогда говорит человеку тому: протяни руку твою. И он протянул; и стала она здорова, как другая.

Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, или Всех излечит, исцелит. Евангелие от Корнея.

«Сорок четыре веселых чижа». Их определенно тянет друг к другу: «4» и «Ч». Особенно же полюбилась четверка черту.

«В 1911—12 году шли из Цеха в Академию поэты — Мандельштам, Вас. Гиппиус, Жирмунский, Пяст и Кузьмина-Караваева — Пяст написал по этому поводу: „Цеховиков идет когорта, Одна чертовка, четыре черта, Четвертого поэты сорта“» (альбом Шкапской). Сообщил А. Устинов. С пера одного из цеховиков спорхнет «четвёртый чудный чёрт в цвету», а безымянный вольтерьянец из ИТР не пощадит евангелистов: «Четыре черненьких чумазеньких чертенка чертили черными чернилами чертеж».

Федрино горе.

Муза по миру пошла.

В балагане влага неба, но не глубина его.

Финальную реплику «Двух голосов» Брюсова:

Понял. Мы — в раю

— Шершеневич взял эпиграфом к стихотворению, в котором он и она «очутились в Парадизной Папуасии», однако выясняется, что это вовсе не парадиз, и герой заключает:

Понял: Мы на земле!

Герой «Лилит» Набокова тоже сперва полагает, что попал в рай, но после прозревает:

и понял вдруг, что я в аду.

Ад в два хода.

Достоевский делит женщин на кротких и inferнальных, а ЛНТ — на пышных (Элен, Анна) и худеньких (Наташа, Кити) и сравнивает их стати в сценах бала. Чтобы без помех любоваться худенькой, убивает пышную. Плоть дух не перешибешь.

Уже в его юношеской лирике д-р Радов (Вена) и д-р Младов (Цюрих) распознали бы приметы будущей одержимости:

Фейна дочь холодна и прозрачна,
и на челе чуть горит изумруд.

Как хороша! Этот тоненький локон,
плечики эти — кто б мог описать?

Никто. Пришлось самому. Зато спустя сорок лет торжествовал: «о бедной девочке моей» грезит весь мир, волшебство мое внушает трепет, читатели, «как от яда в полом изумруде, мрут от искусства моего». В другой версии его ехеді сверкнул тот же магический кристалл, осколок скрижали трижды величайшего кудесника и плута:

Я божком себя вижу, волшебником с птичьей
Головой, в изумрудных перчатках.

Голова на троне и прочие миракли оказались надувательством, и Дороти переименовала чародея в «Humbug, the Great and Terrible». В романе о падшей падчерице помянуты четыре Дороти, и среди них урожденная Humbird, а как зовут волшебника? «The name, — I said coldly, — is not Humberg and not Humbug, but Herbert, I mean Humbert, and any room will do, just put in a cot for my little daughter».

Автор, всемирно признанная гадалка, рассказывает о своих многолетних наблюдениях над ладонями богатых людей. В статьях сборника обобщается двухтысячелетний духовный опыт Православия. Книга сделает вас неуязвимым от сглазов, порч и проч. Если вы еще ни разу не сидели в тюрьме, не отчаивайтесь: автор сидел и описывает все в деталях.

Служенье муз не терпит суеты, природа не выносит пустоты, то ли дело бумага: вынесет все.

Когда Суворин (дневник) мечтал, «чтоб жидам не досталась дорога», Кагановичу было уже два года.

Суворин (дневник): «Вагоны на поляковской дороге — мученье. У Азовской дороги всего два вагона 1-го класса. У станции Морской Поляков строит себе виллу, два этажа, каменную, похожую на станцию железной дороги, разбиваются сад и фонтан быстро».

«По Курской, Казанской железной дороге настроили дач и живут там, как боги» (Высоцкий). «На Курской ж-д, на Казанской ж-д, на Октябрьской ж-д, ж-д на ж-д, далее везде» (Соковнин). Точно. Дед был главным инженером депо Московского вокзала и в конце 50-х построил дачу на Октябрьской ж-д — из вагонки и, что забавляло гостей, с откидными полками вместо кроватей.

В начале 60-х деду дали служебную квартиру в здании школы машинистов с видом на пути. Прямой гвоздь, положенный на рельс, пополнял арсенал пластилиновых крестоносцев, кри-

вой — сарацин. Стекла лихорадило, на ночном потолке плясали тени оконных переплетов, марля на форточках за сутки чернела от гари. À la gare, comme à la gare. И день-деньской в соседних мастерских терзали-мучали железо. Все двадцать лет. В полумиле от дома лежал Обводный канал в обрамлении заводов, вырезвителей и фрагментов небытия, облитых чем-то ядовитым, поросших — диким. И фонарь вполне озял полканала. То есть это в седьмом классе хотелось думать, что озарял, а годам к шестнадцати прорезался сарказм:

вот
автоба-
за
вот
труба
за-
вода
а вот
его утроба
и убранство
на светлый пир труда
и братства
труба
зо-
вет

В середине 80-х выяснилось: то были бледные копии пейзажей С. Стратановского, жившего на другом берегу канала: «Так уходит земля от которой рождаются боги И приходят дома где не будет вовек домовых Квартал у железной дороги С дымами за-

водов своих». Ни домовых, ни водяных. Одни городовые. Knast Petersburg. Став библиографом Публички, садка русалок на Садовой, Стратановский освоил гусли: «Библиотека-аквариум: лампы мерцают таинственно В мутно-зеленой воде Тихие рыб косяки проплывают по темному фонду Влагоустойчивых книг».

Чем влекли к себе самиздатские журналы? Тем, что укромны и кромешны. Журнал, отражавший державное течение, звался «Невой», самиздатский — «Обводным каналом». Первый предавался тиснению орденоносной типографией имени-знамени, второй теснился к обочине. Границы дня и ночи на языке официальной прессы обозначались словами «Рассвет», «Заря», а в городе-герое — «Аврора» (*tusis amica*). Самиздатский журнал брал себе имя «Сумерки», которое отсылало к Боратынскому, Чехову и, может быть, даже кн. Долгорукову и итальянским сумеречникам, а толковалось по Далю: «до угаснутия последнего солнечного света».

Неотразимо притягательной эту эстетику делали советы уважаемой редакции больше читать классику. Зваться «Звездой» было немисливо — андерграунд исповедовал принцип: «мы светила заменим темнилами, сердцу нашему более милыми». Самиздат не выходил в свет, а всходил в полутьме полуподвала, подслеповатый, блеклый, лишенный хлорофилла. Предписанные учебниками машинописи «равномерная четкость и насыщенность текста» достигались разве что в первом экземпляре, но кто когда его видел? Чтение самиздатской машинописи — с «западающими литерами» и «отпечатками лентоносителя», на бумаге полупрозрачной, как сиротка, и в переплете, проглотившем левое

поле вместе с частью полосы, — сопровождалось мышечными усилиями. И это возбуждало. Куда сильнее крррамолы.

«Мастерица виноватых взглядов, Маленьких держательница плеч». Боковое зрение выхватило из полуподвального окошка силуэты швеи и манекена — и склеило их. Или так: образ заплечного мастера, вытесненный в подтекст, проступил сквозь образ жертвы, «мастерицы ~ плеч». По-настоящему важна — эта рамка, а все прочее — «стихотворческие втычки» (Николев), «упаковочный материал» (Щерба).

Словари языка хиппи насчитывают десятки неофициальных наименований городских объектов (кафе, скверы, вестибюли метро), которые расположены преимущественно на центральных улицах, а словари блатной музыки — сотни (спецприемники, нарсуды, морги, женские общежития, полустанки, гаражи, пустыри). Нонконформисту нужна рампа, волка ноги кормят.

Языковеды полагают занудство первым признаком профессионализма, а во избежание обидных подозрений приводят уморительные примеры: имярек₁ бьет (убивает) имярека₂. Причем Джону с Биллом надлежит обмениваться выстрелами, Ивану с Петром тумаклами, а прочие к единоборству не допускаются.

Помимо презрения к аксан(т)ам и умляутам, роднит пристрастие к оксюморонам. «Всегда модно!» — зывал магазин галстуков на Невском, а местный хлеб похваляется, что «always fresh!»

По мотивам М. Эльпинер:

«Had I listened, — wheezed the Horse, —
to the SG, then, of course,
I would never get so hoarse».

«Прав
минздрав», —
хрипел жираф.

Национальный День Флага, мало ему ежеутренней присяги школьников на верность. Давида (4 года) в детском саду обучили вырезать-наклеивать звездочки-полоски и разрешили забрать это рукоделие домой. Родителям на утешение.

И вот опять явилась ты. Не запылилась. Наша звездочка вновь добилась неплохих показателей по сбору макулатуры, орлята учатся летать, в эфире «Пионерская зорька». Понапрасну, призрак, бродишь. Ты добычи не добьешься. Еще две недели и домой.

— Знаешь, почему змею зовут Schlange? Она шипит: «sch... sch... sch...» и длинная: «laaange-laaange».

Страница Феклуша: «Огненного змия стали запрягать: все, видишь, для-ради скорости. Конечно, другие от суеты не видят ничего, так он им машиной показывается, они машиной и называют, а я видела, как он лапами-то вот так делает».

Праведница Матрена: «Поезд вылезет, глаза здоровенные свои вылупит, рельсы гудят — аж в жар меня бросает, колени трясутся».

Прошло сто лет — все тот же сон. Только до «Карениной» героини гибли по карамзинскому канону.

Смешной дуралей соревнуется с локомотивом, красивая и молодая лежит под насыпью. Пастернаку, несмотря на тоску по второму рождению, приступы крестьянской и дворянской ностальгии были неведомы: в жертву железному дракону приносится не лошадка и не Лара, а дурак-герой-интеллигент.

Первый проект steam-engine и wagon-lit — Емелина печь. А современный русский утопизм предпочитает «голубой вертолет», на борту которого «прилетит вдруг волшебник» и навеет человечеству сон золотой. Именно вдруг, ибо вознаграждению подлежат не целенаправленные усилия, а сама надежда на чудо. И если скорость непременно связана с прогрессом, пусть воспользуется вертолетом, но и тот пусть будет сродни чуду, хотя бы цветом. И еще: все это, конечно, должно быть бесплатно.

Паперть-самозванка.

Подсчеты российской печати, сколько миллиардов «оседает» на зарубежных счетах нуворишей, дышат негодованием пополам с гордостью. Или вот еще тоже редкий дар: разом распускать хвост и вилять им.

Площадной слог, базарный тон. Рыночные отношения?

Ближнее зарубежье, дальнее буржуазье.

«Участившиеся случаи отъезда еврейских семей обратно в Россию — реалия сегодняшнего дня». Слезы радости лия, возвращалась алия в Китеж из Израиля — вот она, реалия. Ad realiora. Частушка плясовая.

Страна зажиточная видит в инопланетянине хищника. Старый Свет трепещет двух врагов, внешнего и внутреннего, то есть монгола (гунна, мавра, турка) и еврея. Первый охоч до христианских земель, второй нежизнеспособен без христианской крови: она нужна для заживления ран после обрезания, для разрешения от бремени, для восстановления сил после регул, которым у этого народца подвержены и самцы. Внешний враг исследован менее детально, поскольку внешний. Известно, однако, что своими военными успехами монгол зачастую обязан пособничеству еврея — тайком отворяющего городские ворота. Hannibal ad portas, die fünfte Kolonne marschieret — и христианское тело от Барселоны до Порт-Артура зияет стигматами.

В эпоху политкорректности образ врага принято подавать на летающей тарелке: кинематограф и комикс превращают инородца-иноверца-иноземца в инопланетянина. Деградируя как раса и/или исчерпав энергетические ресурсы собственной планеты, пришельцы ордами обрушиваются на Землю либо исподтишка втираются в человеческое сообщество, выпотрошив на пустыре дюжину земель и приняв их обличье. Территориальные аппетиты нелюдь унаследовал от монгола, потребность в вампиризме и способность к мимикрии — от еврея. С законом сохранения фобий не поспоришь. Почва дышит где может.

А политкорректность, что и говорить, чудесное изобретение: и волчьи инстинкты сыты, и человечьи права не задеты. Земля землянам! Незванным гостям противостоит разноцветная команда, и ее уже обучают обходиться без арийцев: так, в фильме «День независимости» цивилизацию спасают изобретательный еврей и отважный афроамериканец. Пошла муза на базар. Впрочем, если выбирать приходится между кровью и пошлостью, то выбирать не приходится.

Век потому волкодав, что челоВЕК челоВЕКу ВОЛК.

Хорниус в «Arca Noae» (1666) отвел семитам желтый участок расового спектра. Впоследствии, правда, их причисляли к белой расе, но, чтобы держать подальше от самых драгоценных ее ветвей, сопоставляли с монголоидами. Немецкая и австрийская печать, приветствуя североамериканский законопроект об ограничении китайской иммиграции, настаивала на аналогичной политике по отношению к евреям — «китайцам Европы». Лебон установил, что те и другие находятся на одной ступеньке эволюции (выше темнокожих, ниже индоевропейцев), Бюрнуф — что дефект в строении черепа делает тех и других невосприимчивыми к метафизике и христианскому учению, Штейнер — что своими свойствами они обязаны влиянию одних и тех же духов формы, марсианского и лунного.

Впервые толки о монгольско-еврейской дружбе возникли в тринадцатом веке. Согласно христианским источникам, при известии о монголах евреи возликовали, видя в них своих братьев

конечно, «трус», вечный спутник «глада». Ошибку сделали, надо полагать, при наборе, из-за сходства «съ» и «дъ» в рукописном начертании. А также из-за соседства «труда» и «голода» в реестре невзгод.

По ЛНТ, главный порок — самодовольство. В нем ЛНТ изобличает своих героев без усталости. И не без самодовольства. Что замечает читатель. Тоже не без самодовольства. Порок-то и впрямь хоть куда.

Мочульский о Зощенко: «самодовольное самооплевыванье». Таков и еврейский анекдот. И сборник «Вехи». Что Зощенко спасало, так это бескомпромиссный пессимизм.

Гоби внемлет Марсу. Во время китайско-вьетнамского «конфликта» командование батальона, не получив еще распоряжений из Читы и не зная, что бы такое предпринять, стало выяснять у рядовых, не хочет ли кто послужить во Вьетнаме. Волонтерами записались все без исключения «молодые военнослужащие», но укрыться в джунглях от «неустановленных отношений» не удалось: частям Забайкальского округа было предписано провести учения «действуя в том числе с монгольского плацдарма», и батальон передислоцировали. Перед воздухоплатателями была поставлена задача: показать китайцам, что бывает, когда над их селениями на низкой высоте проносятся сверхзвуковые драконы, не испытывающие, в отличие от китайских, недостатка в горячем (рассказы летчиков, сильно пивших после этих маневров).

Синдерелла затмевает ленивых сестер, Иван-дурак — трудолюбивых братьев.

В начале «Железной воли» постулируется превосходство русской рыхлости и вязкости над немецкой целеустремленностью:

Ну, железные они, так и железные, а мы тесто простое, мягкое, сырое, неопеченное тесто, — ну, а вы бы вспомнили, что и тесто в массе топором не разрубишь, а, пожалуй, еще и топор там потережь.

Далее повествуется о злоключениях попавшего в Россию немца-инженера (от «Пиковой дамы» до «Золотого теленка» немцу-инженеру не везет), а в финале оказывается, что тесто и впрямь непобедимо: объевшись блинов, немец помирает.

воля воля воля
воля воля
яволь

Только одному немцу удалось выбраться из топи блат: Мюнхгаузену.

В итальянской сказке мастер обучает куклу ходить, как ребенка, per mano. В немецком пересказе — муштрует под «Rechts! Links! Rechts! Links!» В русском — имеет дело с автодидактом: «окончив работу, поставил деревянного мальчишку на пол, чтобы научить ходить. Буратино покачался, покачался на тоненьких ножках, шагнул раз, шагнул другой, скок, скок, — прямо к двери» и т. д.

Николай сыну:

Принимай команду. Она не в порядке.

Рюрик братьям:

Хоть шившая команда,
Почти одна лишь шваль,
Wir bringen's schon zu Stande,
Versuchen wir einmal.

И все-таки: перец-колбаса или зелен-виноград?

Триумф пруссачества, по мнению язвительного Буренина, означал бы, что

всем смертным почтальоны
Приносят письма в срок, везде вагоны
В назначенные движутся часы.

Картины безотрадней и не вообразить. Согласно Добролюбову, ревнителям самобытности оставалось уповать на одно:

Не пойдет наш поезд,
Как идет немецкий:
То соскочит с рельсов
С силой молодецкой;

То обвалит насыпь,
То мосток продавит,
То на встречный поезд
Ухарски направит.

По первое число всыпал, вот только кому? Славянофилам? Но Хомяков, например, вписал свое имя в историю проектирования паровых двигателей (*Description of the «Moskovka», a New*

Rotatory Steam Engine, invented and patented by Alexis Khomiakoff of Moscow. London, 1851) и утверждал: «Когда все другие государства пересекаются железными дорогами и получают возможность быстро сосредоточивать свои силы, быстро их переносить с конца в конец, необходимо надобно и России пользоваться тою же возможностью» (*Москвитянин, 1845, кн. 2, № 2, с. 72*).

«Если железные дороги и невыгодны для России, — рассуждал Погодин, — то они необходимы потому, что раскинулись по всей Европе». На западе они укрепят обороноспособность империи, на востоке прибавят ей друзей: «Пусть живут себе европейские народы, как знают, и распоряжаются в своих землях, как угодно. А нам предлежит еще половина Азии, если мы хотим, а может быть, и должны распространить свои владения для разнесения по Азии европейского элемента, да возвысится Иафет над своими братьями. Проложите дороги в Азию, опояжьте железными дорогами Азиатскую Россию... и вы умножите довольство и обилие по всему земному шару... Какая великолепная будущность для России!» (*Соч. М., 1874, т. 4, с. 247, 242—244*).

«Мерзим мы» европейцам, огорчался Достоевский, «турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы». Повернуться бы к западу задом, к востоку фасадом. «В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы... Постройте только две железные дороги — одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия». Чудесный диптих изображает будущее Европы, лишенной русской поддержки, и России, нашедшей свое счастье в Азии:

Когда в Европе, уже от одной тесноты только, заведется неизбежный и претящий им самим уни-

...тогда у нас все еще будет простор и ширь, поля и леса, и дети наши будут расти у отцов

зительный коммунизм, когда целыми толпами станут тесниться около одного очага и мало-помалу пойдут разрушаться отдельные хозяйства, а семейства начнут бросать свои углы и заживут сообща коммунами; когда детей будут растить в воспитательных домах (на три четверти подкидышами)...

своих, не в каменных мешках, а среди садов и засеянных полей, видя над собою чистое небо.

Дело известное: старшие братья держат младшего за недоумка, неряху и лодыря, а он — на-тка! — враз затмевает всех сметливостью, пригожеством да богачеством. Пусть не в немецких ботфортах и зовется Иван-дурак, на деле-то он, конечно, Иванов-Разумник и за то, что «мерзит Европе», непременно возьмет реванш.

Напечатано:

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Следует читать:

Мы широко по дебрям и лесам
Перед пригожею Европой
Расступимся! Мы обернемся к вам
<нрзб>

Иные дали открывались Вл. Соловьеву. Что «распространение русских владений следовало течению рек» и что история вообще подчинена рельефу местности, это он помнил из лекций отца, но у нового века была особая поступь — калечащая ландшафт. Волновался: «Железные дороги беспощадно пожирают леса, а без лесов наша огромная континентальная равнина рано или

поздно обратиться в бесплодную пустыню». Узнав о недороде и голоде, возмущился: а что я говорил! (Это сварливое присловье отныне утвердится в его речи. И ведь чем только ни страдал: и гладом, и мором, и трусом, и самой страшной из напастей — «равенством всеобщей сытости». Глас вопиющего.) Реферат об эрозии почвы озаглавил «Враг с Востока» и начал тоном последнего предупреждения:

Есть основания думать, что дальняя Азия, столько раз выславшая опустошительные полчища своих кочевников на христианский мир, готовится в последний раз против него выступить с совершенно другой стороны: она собирается одолеть нас своими культурными и духовными силами, сосредоточенными в китайском государстве и буддийской религии. Но прежде, чем такие опасения могут оправдаться, собственно нам, т. е. не всей Европе, а одной только России, приходится еще встречать иного, особого восточного врага, более страшного, чем прежние монгольские разорители и чем будущие индийские и тибетские просветители. На нас надвигается Средняя Азия стихийною силою своей пустыни, дышит на нас иссушающими восточными ветрами, которые, не встречая никакого препятствия в вырубленных лесах, доносят вихри песку до самого Киева.

Notor vasuī. Несколько успокаивался среди финских озер и водопадов, но и там не забывал, что «Над всей Европою дракон, Разинув пасть, томится жаждой» (Блок), «Что над Россией — тайный враг (Чума, монголы, эфиопы), Что землю портящий овраг Грызет юго-восток Европы» (Белый). Враг грозит, овраг грызет. Когда фонетика служанка паранойи. (А откуда взялись эфиопы? Из первого акта «Вампуки», не иначе: «Мы э... мы э... мы эфиопы, Мы про... мы про... противники Европы».)

ясно, как 2×2,
что на каждого
в этом мире едва
ль хватит H₂O

Разоблачать комплоты и бить в набат придется и соловьевским ученикам. Русь, сокрушался Булгаков, веками стоит «на посту охраны западной цивилизации и от диких народов, и от песков Азии», а в награду за это «с германского запада к нам тянет сухостей, принося иссушающий песок, затягивая пепельною пеленою русскую душу, повреждая ее нормальный рост». Белый докладывал: «овраг, угрожающий нам, есть обрыв, падение, гибель арийской культуры»; всего опасней космополитичные «жиды-англичане» и номады; необходимо создать «союз европейского континента против островитян и желтых» и повысить бдительность: «О русские люди, русские люди! Вы толпы скользящих теней с островов к себе не пускайте! Бойтесь островитян!» Нелегка караульная служба: «Ждут, бывало, с юга, глядь, — Ан с востока лезет рать. Справят здесь, — лихие гости Идут от моря».

Ухтомский, оппонент Соловьева, считал, что железнодорожное строительство способствует «устранению безводья» и «ничего себе нельзя представить обаятельнее, как долго ехать среди мертвой степи, выйти из вагона и увидеть на станционной площадке чистую, сверкающую струю» (*От калмыцкой степи до Бухары. СПб, 1891, с. 69*). Твердил о духовном родстве русских с китайцами — «народом-сфинксом» (*К событиям в Китае. СПб, 1900, с. 52*) и призывал соотечественников не вмешиваться в борьбу Востока и Запада (*Из китайских писем. СПб, 1901, с. 22*

и др.). «Отныне, — писал его сподвижник, — не будем мы защищать грудь Европы от Азии, как защищали ее от натиска татар» (С. Сыромятников. *Опыты русской мысли*. СПб, 1901, с. 30). Зарифмовать — «Скифы».

«Панмонголизм! Как много в этом звуке». Бродский и неплохо.

«Краткая повесть об Антихристе»: в двадцатом веке монголоиды объединятся и оккупируют Россию и Европу; спустя полвека их иго будет сброшено совместными усилиями народов белой расы; в двадцать первом веке воцарится Антихрист; против него выступят христиане всех конфессий и евреи. Авторство сценария приписано монаху Пансофию (пансофизм vs панмонголизм).

Учение о дальневосточном враге рода человеческого Соловьев разрабатывал десять лет. Начал с противопоставления китайцев японцам по их отношению к западным ценностям. Китайцы лживы и жестоки, китайская культура бесполезна, а религия опасна для европейцев: в их сознание уже проникает китайское «отрицание жизни, знания и прогресса». Японцы же — не оттого ли, что среди них встречаются светлокожие? — наоборот, обнаруживают похвальную восприимчивость к христианству, а стало быть, в грядущем столкновении рас выступят на стороне «тех исторических сил, которым суждено потрудиться для торжества Царства Божия на земле». Выходит, трепетать надлежит одних китайцев, пока инертных, но что-то ведь их разбудит? В поисках ответа Соловьев обращает внимание на мемуары французского миссионера Гока:

Незадолго до его прибытия в Тибет стали много говорить о братстве или ордене *келанов*, которым приписывались всякие сверхъ-

естественные силы и обширные религиозно-политические замыслы — они должны были завладеть верховною властью в Тибете, потом в Китае, а затем посредством китайских и монгольских вооруженных сил покорить великое царство оресов [вероятно, оросов, т. е. русских] и весь мир и воцарить повсюду истинную веру перед пришествием Будды.

У самого Люка эти слухи полного доверия не вызвали, но Соловьев объявил их «положительными и достоверными» и, конечно, сделал бы агрессию келанов завязкой «Краткой повести», если бы не китайско-японская война 1894—1895 годов: европейские наблюдатели опасались, что по ее завершении цивилизованные японцы поднимут многочисленных китайцев против Запада. Келанский вариант, таким образом, оказывался ненужным, однако следы его сохранились — в предуведомлении к предсказаниям:

Мне кажется, что успех панмонголизма будет заранее облегчен тою упорною и изнурительною борьбою, которую некоторым европейским государствам придется выдержать против пробудившегося ислама в западной Азии, северной и средней Африке. Большую, чем обыкновенно думают, роль играет здесь тайная и неустанная деятельность религиозно-политического братства *сенусси*, имеющего для движения современного мусульманства такое же руководящее значение, какое в движениях буддийского мира принадлежит тибетскому братству *келанов* в Лхасе с его индийскими, китайскими и японскими разветвлениями. Я далек от безусловной вражды к буддизму и тем более к исламу, но отводить глаза от существующего и грядущего положения дел — слишком много охотников и без меня.

Пассаж, способный пленить взыскательнейших ценителей *arch use of language*. Сведения о неумных келанах подаются так,

чтобы вопрос об их реальности и не возникал: это братство по-просту подводится под ту же категорию, что и другое, существующее. Вернее, даже так: в качестве более известного предстает именно вымышленное братство. Активность обоих братств, несмотря на конспиративный характер, полагается очевидной. Бедствие неотвратимо, коли речь идет о его масштабах, а не о степени вероятности.

— Иль мало нас? Как ощетинимся штыками от потрясенного Кремля до стен недвижимого Китая, так вся Европа юзом пойдет.

— Нет, нас сравнительно с желтыми все-таки маловато, и Китай больше не недвижимый: от вод малайских до Алтая вожди с восточных островов у стен восставшего Китая собрали тьмы своих полков. Ergo: необходим союз с другими бледнолицыми.

— Нас, допустим, тоже тьмы, а вот вас, бледнолицые, они сожрут, если мы не прикроем. Так что придите в мирные объятия, пока целы. Но не обессудьте, коль хрустнет ваш скелет в тяжелых, нежных наших лапах. Ибо сестры — тяжесть и нежность.

«Дальний Восток — традиционная рыбная житница России». Сообщил В. Перельмутер.

японские карлы
соседей корили:
украри
Куриры!

Федотов ехидно замечал, что в соловьевском сюжете об Антихристе «монголы притянуты за волосы» (*Путь, 1926, кн. 5, с. 43*), и ошибался: с начала монгольских нашествий в них видели исполнение предсказаний (Псевдо-)Мефодия Патарского о завоевании мира измаилтянами и народами Гог и Магог накануне прихода Антихриста. Апокалиптическая трактовка желтой опасности дожила до времен Соловьева: по распоряжению Вильгельма II, европейским монархам рассылались копии с полотна, созданного по эскизу самого кайзера и изображающего архангела Михаила, патрона Германии, который, предводительствуя христианскими нациями в женских обличьях, указывает на фигуру дракона, сотканную из клубов дыма над пылающим городом.

Проект предотвращения желтой угрозы — путем нанесения упреждающего удара объединенными войсками христианских держав — был разработан кротким францисканским миссионером, автором «*Historia Mongalorum*». Спустя шесть с половиной веков для подавления Ихэтуаньского восстания будет снаряжена международная экспедиция под руководством Германии, значившей себя оплотом цивилизации.

Стреляй, культуртрегер, покуда тебя не приняли за интервента. Kulturtrigger. Сели крестоносцы на авианосцы.

Соловьев воспевает кайзера как нового Зигфрида в стихотворении «Дракон» и не без удовлетворения заметит, что уже давно предсказывал столкновение рас, а теперь и «известный географ Реклю» того же мнения держится. «Об этом и знаменитый английский физик Веллингтон пишет».

«Видит, бьется петушок, Обратившись на восток. Медлить нечего: „Скорее! Люди, на конь! Эй, живет!“» Но: пугал, а не боялись. Про-

року, покуда жив, веры нет. Посмотрим, но *post mortem*. Розанов на лекции о монголах и Антихристе задремал и, как сурово свидетельствует Блок, «счел остроумным упасть со стула». Обоснованным соловьевский пессимизм счел один Михайловский — но, похоже, для того только, чтобы еще раз отчитать беспечных европейцев, стоящих на «шаблонно-либеральной точке зрения» (*Рус. богатство, 1900, кн. 7, отд. 2, с. 103*). В самом деле, уж коли бороться с шаблонами, так с самыми опасными — либеральными.

Репутация ясновидца утвердилась за Соловьевым после того, как «от русского флота остались одни адмиралы». Лопатин вспомнил, что покойный друг «будучи 12—13 лет, с одушевлением доказывал, какую огромную опасность для России и всей Европы представляет в будущем Китай» (*Вопр. философии и психологии, 1913, кн. 4, с. 356*), а Розанов заявил, что предвидение, сделанное «за восемь лет до нее [русско-японской войны], когда о „желтой опасности“ ни один человек в Европе не помышлял», есть просто-напросто чудо «духовного зрения» (*Рус. слово, 31. 10. 1908*). Снова паясничал? Во всяком случае, он же незадолго до войны поведал, что «Леонтьев на 10 лет раньше сказал ту мысль, которая зашумела из уст Соловьева» (*К. Леонтьев. Письма к Василию Розанову. Лондон, 1981, с. 89*).

Как бы то ни было, панмонголизм окажется фикцией: пропасть между юлианским и григорианским стилями увеличилась, а китайцы и японцы так и не собрались сообща воевать христианские земли. Но хоть что-то он угадал? Да. Падение династии Цин. Уже столетие шатавшейся, как от цинги.

Заклинал: китайцы опасны! Чем же? Во-первых, враги прогресса, во-вторых, взялись прокладывать «рельсовую линию между

Пекином и Ханькоу». Так враги прогресса или поборники? Раздраженно цитировал Конфуция: «При жизни отца заботливо соблюдай его волю; после его смерти всегда устремляй свой взор на его действия». Гамлет навыворот: вел бой с Тенью.

Убеждал: последняя возможность стать Европой — разделить с нею ее фобии.

Страстно защищал евреев: грезил об их «возвращении» в лоно христианства, ведь от этого зависела полнота заветного всеединства.

Полагал: мертвая и живая вода нужны не только церковному телу — «сама человеческая форма должна быть восстановлена в своей целости», ибо «разделение между мужским и женским элементом человеческого существа есть уже само по себе состояние дезинтеграции и начало смерти» («Смысл любви»). А что: единой церкви — бесполою паству. Логично. Удивляет лишь, что, в отличие от других энтузиастов всеединства, Огюста Конта и Макара Нагульнова, не мечтал о слиянии рас.

Успеху Вейнингера у немцев и англичан способствовало использование им литер M и W для обозначения «мужского» и «женского»: полярность сущностей удостоверялась обратимостью знаков.

«Разметал он свои сети По всему своему царству. Он и станет всех прельщати, В свои сети уловляти» (*Записки Моск. археол. ин-та, 1910, т. 6, с. 14*). Анчихрист или www? Куда невод ни кинь — чертов клин. Куда ни кликнь — link.

Недоумевают: «Why do they hate us?» Кого же тогда «they» любят, если не «us»? Если не «U. S.»? Да и кто они такие, эти «they»?

Пока рассеивается дым после нового взрыва, глотателей пустот оповещают: «American among 18 killed in Philippines blast», «American among at least 19 killed», «American among 20 dead in Philippines blasts», а итог подводят такой: «Bombing kills an American and 20 others in Philippines» (*The New York Times*, 5. 03. 2003). Why do they hate us? Because they are the others.

Автор «Beyond Terror» – европейцам: да, мы тexasцы, но потому-то и не стоит потешаться над нами, и вообще, посмотрим, что с вами будет, когда уйдут наши войска (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 15. 05. 2003). О венецьянских прохладах ни слова, а вот Кельна дымные громады упомянуты: ничуть не жалеем, что бомбили ваши города.

Позднесоветская очередь в кассы Аэрофлота. Сосед, жизнерадостный детина, выяснив, что да, еврей, нет, в Швейцарию, нет, в гости, сообщил, что тоже еврей, но: пилот вертолета плюс бокс-дзюдо-парашют, а сейчас завербовался в ЮАР, чтобы чернозадым жизнь медом не казалась, а потому что сам натерпелся от антисемитов (былинных исполинов, не иначе). Впорхнула стайка афроафриканских студентов и сразу к окошку кассы, да не тут-то было: гражданочка из породы «дочка за финном» всполошилась и призвала очередь под арийские стяги.

и пошло

и поехало, что,

если на то пошло, то

сколько ж их понаехало-то!

Вмиг восстановив статус кво одним своим видом, многоборец вернулся в строй и пообещал теще финна (позабыв, что гойка): — Спокуха, мать, скоро они все у меня кукарачу спляшут.

Где ты теперь, воин?

Превращение эшафота в гешефт. В амстердамской кунсткамере мадам Тюссо восковая Анна Франк задумалась над дневником, а рядом на лавочке местечко оставлено, чтобы израильским фотолюбителям было куда детишек усаживать.

Доказательства от невозможного. Под силу ли было подданным Екатерины сложить «Слово о полку»? Ах, я вас умоляю. А «Протоколы собраний Сионских мудрецов», наоборот, фальшивка — уже потому, что евреи не такие, как все, верно?

Мать Антихриста предстает у Соловьева «особой снисходительного поведения» — в соответствии с классическим представлением о противоположности Христа и Антихриста уже на уровне рождения: первый от девицы, второй от блудницы. От блудницы из племени Данова, уточняли добрые христиане, а некоторые и сведениями о местожительстве располагали. «Не надо забывать, — учил Леонтьев, — что антихрист должен быть еврей, что нигде нет такого множества евреев, как в России, и что до сих пор еще не замолкли у нас многие даже и русские голоса, желающие смешать с нами евреев посредством убийственной для нас равноправности. Покойный Аксаков тоже находил, что тот, кто способствует равноправности евреев в России, уготавливает

путь антихристу. Я сам слышал от него эти слова» (*Гражданин, 8. 03. 1891*).

Соловьевский Антихрист приходит к власти при содействии евреев и «могущественного братства франмасонов», так что у издателя «Протоколов собраний Сионских мудрецов» имелись основания для ревности, прозвучавшей в предуведомлении к публикации: «Соловьевым дана канва, вышивка узора всецело принадлежит предлагаемой рукописи» (*С. Нилус. Великое в малом и Антихрист как близкая политическая возможность. Царское Село, 1905, с. 322*). Правда, евреи — и это самое значительное из расхождений Соловьева с эсхатологической традицией — восстают против Антихриста. Причина? «Случайно обнаружили, что он даже не обрезан». И верно, чего только случайно не обнаружишь.

«Опираясь одним локтем на Китай, другим — на Германию, мы бы должны были сочетать в себе две великие основы духовной природы — воображение и разум» (Чаадаев).

«— Как вы есть народ, конечно, темный, то, этого, про политику скажу... Тут, скажем, Германия, а тут Китай. Тут Россия, а тут... вообще... — Это ты про что, милый? — не поняли мужички» (Зощенко).

«Ломай-ломай» — так китайцы называли русских, взрывающих храмы на Дальнем Востоке. А немцы (принесено военнопленными и в ходу поныне) — «давай-давай».

— Теперь так мало греков в Ленинграде, что мы сломали греческую церковь.

— Не подпалить ли также синагогу, дабы любимый город спал спокойно? Ни эллина тебе, ни иудея.

Загадка: «Грядущий Гунн разрушил храм — восстановил Грядущий Хам».

Чернильница, брошенная в дьявола, разбилась о печатный станок, изобретенный, как и порох, в краю Канта и Круппа. После того, как китайцы секретами дьявола пренебрегли. «Не будет, думаю, отрицать, — писал Чаадаев, — что логический аппарат самого ученого мандарина Небесной империи функционирует иначе, чем логический аппарат берлинского профессора».

Ученикам Соловьева, однако, полюбился отзыв Ницше о кантианстве как «кенигсбергской китайщине». Придурковатые бормотания Хлебникова: «зачем-то бреду Канта учить по-тасарабански» с упоминанием тут же Калки и Мукдена — только отклик искаженный складных речей периода первой мировой: не воспроизводит ли двадцатое столетие сюжет рокового тринадцатого: удар Орды — удар Ордена? не сговорились ли главные враги русской самобытности: панмонголизм и панлогизм? Вяч. Иванов не скрывал своей озабоченности тем, что

между германским духом и китайским есть глубокое, сокровенное сходство и сродство. Только в Германии да еще в Китае народное сознание есть сознание муравейника: общий биологический разум

и общая биологическая воля движут в них из невидимых центров весь множественный состав. И каково бы ни было наконец это подпочвенное согласие внутреннего, душевно-природного строения обоих народов — уже к ряду воочию совершающихся дел должно отнести попытки Германии обратить Китай в орудие своих целей.

«И мнят, что слышат струй кипень, что слышат ток подземных вод». О перспективах «подпочвенного согласия» поведал другой рудознавец и жезлогадатель — Эрн: потерпев поражение в первой мировой, немцы не уgomонятся, а проложат «подземную четырехколейную дорогу» в Китай, понастроят вдоль нее военных заводов и, доказав китайцам «абсолютное тожество вечно-го зерна китаизма с вечным зерном философии Канта», приступят вместе с ними к покорению планеты. Если Соловьеву пеняли, что в своем сценарии катастроф «он не предвидел даже авиации, отстав от Жюль-Верна и Уэльса» (*Путь, 1926, № 5, с. 46*), то у Эрна немецко-китайские вооруженные силы оснащены «окультурическим истребителем» и «гипнотическим дистурбаторм». Технично-тактические характеристики прилагаются.

С германофобской вариацией на тему «Краткой повести» конкурировала юдофобская. Согласно Белому, европейский аналог желтой опасности — не столько сам Кант, сколько неокантианство, особенно школа Когена, «превратившего логику в приемы японской гимнастики, в „джиу-джицу“ какую-то». Мыслители из общества памяти Соловьева, читая неокантианца Гессена, лишь брезгливо морщились: «махровый чеснок» (Булгаков), «еврейское высокомерие» (Бердяев). А от взора Белого не укрылось и то, что Гессен «небольшого росточка, худой, походящий слегка на японца». На карикатуре Белого типичный неокантианец

срывается головою вниз; и с ним летит «Критика чистого разума», которую он продолжает читать снизу вверх и справа налево: вместе «разума» он читает какую-то восточную ерунду, если только — не восточное заклинание, ибо он читает: «амузар».

Китайская грамота? Не только, не только.

Референты черной сотни любили подчеркнуть, что евреи, согласно Чемберлену, не чистые семиты, а помесь с монголами. Класик животноводства, собственно, учил, что «с хеттами», но запомнилось «с монголами» — потому, наверное, что о еврейской монголо(в)идности писал другой властитель дум, Вейнингер. Перечислял: желтоватая кожа — раз, китайская или малайская форма лицевой части черепа — два. Дойдя досюда, «нововременец» Меньшиков вспомнил о наружности Азефа. В «Петербурге» inferнальный провокатор изображен желтолицей «помесью семита с монголом». (При переиздании она мутирует в «помесь хохла с монголом», но это произойдет уже в те годы, когда Белый назовет «совесть» и «советскую власть» однокоренными словами.) Сходство врагов доведено в романе до гротескной субституции: объявляется, что Россию «спаивает японец». Среди дам выделяются жгучие брюнетки: «японская кукла» Софья Лихутина и жирная скряга с крючковатым носом Зоя Флейш. Наглость «жидовской» прессы, восстание ихэтуаней и японская агрессия суть знаки того, что Россию ждут новые Калка и Мукден, подготовленные масонами-сатанистами, — сведения, почерпнутые, кажется, в «Свободе и евреях». Читаю Шмакова, сообщал Белый Блоку, и все отчетливей слышу «движение грядущее рас». Блок припомнит заглавие этой книги в поэме об отце: «Ведь жизнь уже не жгла — чадила, И однозвучны стали в

ней Слова: „свобода“ и „еврей“». Как бы это так устроить: про-
снуться, а вокруг никакой изящной словесности, одни газеты.
Беда пришла в дом тридцатилетнего крановщика Юргиса Ност-
радамшиса в лице двадцатитрехлетнего неработающего Гейда-
ра Нумизматдинова. Имена и фамилии изменены. В ходе обиль-
ного возлияния алкоголя гость без обиняков пригрозил хозяину,
но тот не проникся серьезностью момента. Фото.

The world is
sad, said Wilde
wild, yelled de Sade

Эту смертную муку — мировую тоску — обменять бы на мир-
ную суку. А коня на скаку повесить на первом суку. Как послед-
нюю суку.

Покуда зенки не протру, мне поутру не по нутру ни мир, ни май,
ни труд. Из очень раннего. Тогда жеманство, ныне реальность:
сорокапятилетние челюсти долго не в силах справиться с таб-
лицей сглснх, память — с гражданством и полом. А в империи
добра и красоты предлагают еще и расовую принадлежность
указать. Хор бледнолицых уязвлено: «Но ведь в анкете огово-
рено, что на этот вопрос можно не отвечать!»

фридом фридом фридом
фридом фридом
дрим оф

Не ведая свободы от вопросов, гордятся свободой от ответов, а впрочем, и ее полагают избыточной: в любом полицейском фильме, ломая негодяю ключицу, острят: «You have the right to be silent, so shut up or I'll break your neck», а на другом канале актриса, врач и правовец размышляют: пора бы узаконить пытки как метод дознания, но как уберечь от дыбы невинного? А то суди его потом за дачу ложных показаний.

1

ну ядерная
ну держава
но не живодерня ж

2

если побоище
но по-божески
то побольше б
таких побоищ

«It's become increasingly clear, — докладывают астробиологи, — that Mars has enough water to support future human exploration». Или: «Uranus is not hopeless». Вот и прекрасно. Летите все, летите на Уран. Не тот это глобус, и вечность не та.

В 1975-м, пока не сыскалась комната в поселке под Тарту, пришлось около месяца снимать угол в полуподвале у Ивана Куузи-

ка, инвалида-эпилептика неопределенного возраста. Кажется, лишь однажды его навестили — грузчики из овощного, чтоб не пить на морозе. Сам не употреблял, но иногда, после бани, припадок случался на улице, и в вырезителе били. А знали, что не пьян. Но вот приехал генерал, отвез во дворец к Сталину, а тот обнимает, как брата, и говорит: хочешь, Ваня, врагов твоих накажем? Не надо, отвечаю, товарищ Сталин, чего там. Возвращается Иван к себе в Тарту и узнает, что начальник вырезителя повесился. Сам. На комод, прямо под настенным отрывным календарем, росла ровнехонькая стопка мертвых листков. В полночь Иван ее пополнял. Напоминало песочные часы.

«Боже мой, сколько разговоров из-за одной старухи», — поражается герой «По ту сторону», прочитав «П. и н.». Для какой-то сентенции фоном служит гражданская война на Дальнем Востоке. В пьесе «Олень и шалашовка» в зоне устраивают концерт, и по поводу одного из номеров — чтения отрывка о дубе из «В. и м.» — надзиратель замечает: «Уж и так лесоповал всем надоел. В том дубе, может, каких четыре кубометра, а разговору!»

-
1. Стронникам смертной казни построиться в две шеренги.
 2. Стоящим в первой обезглавить стоящих во второй.
 3. А теперь стоящим во второй обезглавить стоящих в первой.

робок взор и мокр бок
штеко будланутый бокр
погибоше аки обре
оглашая ревом бор

ни с того да ни с сего
село солнце за село
что ты въешься шишил-мышил
и глядишь невесело

зачинайся русский бред
семь козлят один ответ
чижик-пыжик китеж выжег
ножик вжик и ваших нет

Имитация железнодорожной просодии всего виртуозней в «Записках чудака», парных к «Запискам сумасшедшего» (насколько мании преследования и величия парны) и определенно сомасштабных. А если в столбик, то в поэме о Шмидте: «Послепогромной областью почтовый поезд в Ромны Сквозь вопли вьюги доблестно прокладывает путь. Снаружи — вихря гарканье, огарков проблеск темный, Мигают гайки жаркие, на рельсах пляшет ртуть».

«Пролетает, брызнув в ночь огнями, Черный, тихий, как сова, мотор. Тихими, тяжелыми шагами В дом вступает Командор». То же и в «Петербурге»: вслед за автомобилем с «желтыми монгольскими рожами» появляется сам — Медный Гость, скульптурный гибрид. С этой нечистью ненароком породнится Бендер, назначив себя командором автопробега.

«Он, конечно, держит себя индифферентно — валяет дурака» («Штабс-капитан Рыбников»). «А хозяин держится индифферентно — ваньку валяет» («Аристократка»).

«А вот механики чудеса: пар вертит колеса! Кареты, линейки, вагоны, а в них сидят разные персоны: расейские бары, астраханские татары, немцы-лекари, еврей-аптекари».

«Иудейство располагает целою фармакологиею ядовитых веществ особого рода и тем более смертоносных, что применение их испытано на пути веков» (А. Шмаков. *Международное тайное правительство. М., 1912, с. 512*). Героя «Записок чудака» по пути из Швейцарии в Россию преследуют, сменяя друг друга, некие «брюнеты» — агенты то ли контрразведок Антанты, то ли метафизического зла, гнездящегося в авторском подсознании, и один из них — горбоносый одесский доктор, сосед по купе — предлагает сигареты, наверняка отравленные. В «Плясках смерти» яд достают у еврея-аптекаря. По свидетельству собеседника, трагический тенор эпохи

говорил о «могучей силе отравы», которую несут евреи в арийскую среду. Эта отравка рисовалась ему в «желтых» тонах. Эта «желтая» сила отравляет все светлое, принижая и засасывая его тиною пошлости. И пошлость быта выростала в его речи в «желтый яркий мираж» — в космическую силу, претворяющую мертвящей отравой всю жизнь.

Жуткое дело. «В соседнем доме окна желты», а поездка в Польшу («Жандармы, рельсы, фонари, Жаргон и пейсы вековые») окажется и того ужасней: и заря заражена желтухой, и даже на «лике желтом» умершего отца проступает «печать скитальцев». (Ужели?..) Счастье, что в беседах с Борей и наедине с дневником не нужно было скрывать омерзения:

...жидки — жидками: упористо и умело, неустанно нюхая воздух, они приспособливаются... эти неотступные дробные шажки (и запах чесноку)...

Удивительно ли, что в начале «империалистической бойни» оказался среди немногих, кто «не поддался шовинистическому уга-ру»? Не то слово не поддался: в набросках к «Петроградскому небу» и вовсе выражал неудовольствие отправкой эшелонов именно на запад, ведь «Восходящего солнца страшной тишина. В нем — дурман золотого вина». Публиковать эти прозрения не счел удобным — вспомнил, на чьей стороне ныне воюют японцы? — но, рассаживая служивых по теплушкам, велел одним затянуть «Ермака», другим грянуть «Варяга» — в память о потерях на восточных фронтах. (В «Салоне-вагоне» Соболя служивые запоют «Марсельезу», сбросив с поезда «бердичевских».) И не колеблясь отказался участвовать в акции протеста против дискриминации еврейского населения прифронтной полосы:

Я мог бы подписать только воззвание к добрым чувствам, свойствен-ным рус. человеку, по отношению к людям, для которых смысл рус-ского просвещения и дух русского языка во многих известных мне случаях непонятен или враждебен.

Рукоплескания справа? Как бы не так. Декадентов почитали «сто-личные дантисты и фармацевты» (*А. Шмаков. Международное тайное правительство. М., 1912, с. 510*), а охранители ценили классику.

«Тайны японской спальни» сделают вашу жизнь нежной и стра-стной, но никогда — скучной! На базе уникальных архивных материалов и впервые без умолчаний автор рассказывает, отку-да есть пошла земля русская. Биография барона Фальц-Фейна, проведшего всю жизнь вдали от России, но до кончиков ногтей

остававшегося русским, — судьба человека, с которого надо всем брать пример.

Переиздали мемуары Кизеветтера. В предисловии речь, конечно, заходит о «философском пароходе». Вслед за ритуальной запиской: «трагическая акция... факт высылки... всей элиты русской интеллигенции...» приводится выборочный перечень высланных — и он наполовину состоит из тех, кто эмигрировал в другое время и добровольно. (А водоизмещение? «Взял бы я вас — да потопите лодку».)

Носить траур по культуре, обессиленной этой неимоверной потерей, полюбили, разумеется, тем, кому пристало бы как раз ликовать.

«Присутствие родственников поэта придает нашему ученому собранию человеческое измерение». А то бы? Подумать страшно.

По воспоминаниям вдовы, сотрудник НКВД интересовался, не скрываются ли за образом волн в:

Бежит волна, волной волне хребет ломаю,
Кидаясь на луну в невольничьей тоске,
И янычарская пучина молодая,
Неусыпленная столица волновая,
Кривеет, мечется и роет ров в песке.

А через воздух сумрачно-хлопчатый
Неначатой стены мерещатся зубцы,
И с пенных лестниц падают солдаты

Султанов мнительных — разбрызганы, разъяты —
И яд разносят хладные скопцы

— пятилетние планы. На что автор отвечал удивлением — деланным, по мнению вдовы и экзегетов. Один из них распознал в султанах Сталина, а в скопцах работников идеологического аппарата, а в солдатах строителей коммунизма: они не штурмуют стену, а возводят новую вавилонскую башню. Опубликовано это было в «Russian Literature» к шестидесятилетию советской власти и читалось как последнее слово эзопова языкознания. Только стон у нас песнью зовется.

Автор между тем предупреждал: «Часто пишется казнь, а читается правильно — песнь». Обратное неверно. В «Бежит волна...» подбор слов и тактика их согласования подчиняются задаче куда более сложной, чем обличение режима. Стыки:

..... хлопЧАТЫЙ
ненаЧАТОЙ
..... СОЛДАТЫ
СУЛТАНОВ РАЗЪЯТЫ
и ЯД РАЗносят

— создают иллюзию атак и откатов. От удара о преграду слова ломают себе хребты.

Прием был опробован в «1 января 1924 года»:

Но пишущих машин простая СОНАТИНа —
Лишь ТЕНЬ СОНАТ могучих тех.

Здесь стык с перестановкой иллюстрирует идею несовершенного отражения (ср.: «житейский шум трескучий — Только от-

клик искаженный Торжествующих созвучий») и имитирует возвратное, с сигнальными звоночками, скольжение каретки по рельсам.

Что стало первотолчком для «Бежит волна...»? Намерение раззять слово «раззят-». Яд и раз-, их нужно было согласовать по смыслу. «А князь тем ядом напитал Свои послушливые стрелы И с ними гибель разослал». Разослал. Разнес. Разносят. Разносят та-та та-та та. «<Мы сердцем> хладные скопцы». И яд разносят хладные скопцы. Рифмоваться с «раззаты» выпало солдатам — за переключку с султанами (ср. у Багрицкого: «с барсучьим султаном солдат»), а может, и в память о морском воинстве сказки о Салтане. Зубцы, прорезавшись благодаря скопцам, обернулись волнами. Шторму положено выглядеть штормом: «Дождь брызжет от упорной сшибки Волны, сразившейся с волной, И влажный дым, как облак зыбкий, Вдали их представляет бой» (Вяземский). А шторму положено выглядеть штормом: «По лествицам, на град, на стогны, Как шумны волны через волны, Они возносятся челом» (Державин), «Неукротимые дружины, Волнуясь, хлынули с равнины, И потекли к стене градской» (АСП), «И, как вода шумящая на стены, Их сила снова полилась... на зубцах Схватились с нами» (Толстой); «На зубчатые стены Европы Низвергались внезапно потопаы Колченогих, раскосых людей» (Волошин).

Соединить султанов с зубцами помогла история подавления Махмудом II стамбульского восстания: «Валились дома янычаров; Окровавленные зубцы Везде торчали... Тогда султан Был духом гнева обуян». Данью этой мотивировке и явилась «янычарская пучина молодая», она же «неусыпленная столица волновая».

Откуда «бежит волна, волной волне хребет ломая»? Из Терека: «Волна на волну набегала, Волна погоняла волну». А отчего пучина «кривеет, мечется и роет ров»? Оттого что Терек «то здесь, то там дорогу роет, Как зверь живой, ревет и воет». И оттого что «рвет и мечет». Слово «кривеет» в соседстве с янычарами отсвечивает полумесяцем и ятаганом, а «мечется» отбрасывает тень минарета. «В чалме сидит и третий слог, Живет он тоже на Востоке». Чистить зубы и спать. «От этого Терека в поэтах истерика». Именно. Лермонтову он явился мужеподобной, «с косматой гривой на спине», львицей, Чехову (переписка) — змеей, что «злится, ревет и щетинится», Ахмадулиной отрекомендовался сослуживцем Дарьяла: «Твоим вершинам, белым и синим, Дарьялу и Тереку, рекам твоим, твоим джигитам, статным и сильным, а также женщинам, верным им». Амударьял. Спать немедленно. «Неугомонный Терек там ищет третий берег». Бродский. Третий берег как пятый угол. Очень недурно. Даже несмотря на «тамышет». Теснины, стремнины, зубчатые стены. Welle, Welle, Welle. Mauer, Mauер, Mauер. Штурм унд ярость. И с пенных лестниц падают солдаты, с кровавых не пришедшие полей. Лишь паутины тонкий волос на безымянной высоте. WWW. MMM. Плещут волны Флегетона, меркнут знаки Зодиака. Пять Углов, полжизни пробежало у. Спи, мемори, спи. Прощай, надежда, спи, желанье, как только в раннем детстве спят. Спать вспять, впасть в Past.

Потеряв руно, Бендер выбрался на днестровский берег полуобутым — подобно Ясону, перешедшему Анавр. Сюжет об аргонавтах вернулся к истоку.

Маајаап — полустанок по-эстонски. «Ма-а, — жалуются они, приближаясь. И, не снижая скорости, уносятся, — йа-ам!»

«Катился вагон из дубровки в поповку, Не оставляя на рельсах следов» (Мякишев).

Светит месяц, светит ясный средь неведомых лощин, дар случайный, дар напрасный, дар валдая, дыр бул щыл.

«Есть ли смерть на Марсе?» — задумался Агасфер.

— Ибо истина в том, —

Denn dies ist die Wahrheit:	сказал Заратустра,
ausgezogen bin ich	покидая профессорский дом
aus dem Hause der Gelehrten,	и хлопая дверью
und die Thür habe ich	так, что дрогнула люстра
noch hinter mir zugeworfen	и бюсты ус-то-яли с трудом,
	— что в нее я не верю.

Hänschen klein ging allein in die weite Welt hinein. Stock und Hut steht ihm gut, ist gar wohlgemut. Ваня мал да удал, край родимый покидал. С посошком и мешком вслед за солнышком.

Смерть автору. Закат Европе. Конец цитате. Просьба освободить вагоны.

PS. Щасвернус. Годо.

Фрагменты публиковались:

«Всемирное слово» (Санкт-Петербург)

«Русский текст» (Санкт-Петербург)

«Welt hinter dem Spiegel» (Berlin)

«Канун» (Санкт-Петербург)

«Stanford Slavic Studies»

«Via Regia» (Erfurt)

«Окна» (Тель-Авив)

«Крещатик» (Киев)

«Toronto Slavic Quarterly»

«Lettre International» (Berlin)

«Солнечное сплетение» (Иерусалим)

«Nietzsche-Studien» (New York, Berlin)

«Новое литературное обозрение» (Москва)

Михаил Безродный. Пиши пропало

*Воформлении использована
фотография Алексея Зеленского*

Редактор И. Ф. Данилова

Дизайн и верстка

Л. Н. Киселева, В. Г. Лошкарева

Корректор О. Э. Карнеева

Подписано в печать 06.07.2003.

Формат 70×72/16.

Гарнитура OfficinaSerifC.

Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7,25.

Тираж 500 экз.

Издательство «Чистый лист»

E-mail: tabularasa@peterlink.ru

Заказ N 122.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО «ИПК «Бионт»»

199026, Санкт-Петербург,

Средний пр. ВО., д. 86,

тел. (812) 322-68-43

ISBN 5-901528-05-0

небо? oben

мнете мните
темне темни
не темни-
те мне
отворите мне темни-

небо немо
ни бэ ни мэ
ни тебе ни мне
ни себе на уме
ни meum ни teum
ни e-muet ни te deum
амеба ей-бо а не небо

а как вам аква?
аква как аква
в акве мы веками
мыкаем
кумекаем
квакаем
как в вакууме
а в аквариуме вам как?

в метро
мертво
обол
готовь
и был
таков
и вся любовь

